

Комитет по культуре города Москвы
Управление культуры
Центрального административного округа города Москвы
Государственное учреждение культуры города Москвы
«Библиотека украинской литературы»

Иван Франко об украинской литературе

Подготовка текста, вступительная статья и примечания
доктора филологических наук Ю.А. Лабынцева и
кандидата филологических наук Л.Л. Щавинской

Москва – 2006

ББК 83.3.Ук
УДК 821,161,2,09
И18

Рекомендовано к печати Научно-методическим советом государственного учреждения культуры г. Москвы «Библиотека украинской литературы» 17.11.2006

Ответственный редактор В.В. Слюсарчук

Иван Франко об украинской литературе / Подгот. текста, вступ. ст., примеч. Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л. – М.: ГПИБ, 2006. – 112 с.

В книге публикуется очерк истории украинской литературы Ивана Яковлевича Франко (1856–1916), специально подготовленный им в первые годы XX в. для печати в известном «Энциклопедическом словаре» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона (СПб., 1890–1907).

Настоящее издание, выходящее в год 150-летнего юбилея со дня рождения украинского национального гения И.Я. Франко, адресуется самому широкому кругу читателей как в России, так и за ее рубежами, в том числе научным работникам и студентам.

ISBN 5-72870-402-6

© Вступ. ст., примеч. Ю.А. Лабынцев, Л.Л. Щавинская, 2006

© Госуд. учреждение культуры г. Москвы
«Библиотека украинской литературы», 2006

Иван Яковлевич Франко
(Родился 27 августа 1856 г. в с. Нагуевичи, ныне Дрогобычский район
Львовской области; скончался 28 мая 1916 г. в г. Львове)

*Який я декадент? Я син народа,
Що вгору йде, хоч був запертий в льох.
Мій поклик: праця, щастя і свобода,
Я є мужик, пролог, не епілог.*

І. Франко

Иван Франко – ученый-славист

В славянском мире трудно найти фигуру столь многогранную как Иван Яковлевич Франко. Выходец из крестьянской семьи, сын деревенского кузнеца, он, преодолевая многочисленные тяготы, выпавшие на его долю, становится одним из значительнейших деятелей европейской культуры. За недолгую и многотрудную жизнь Ивану Франко удастся написать необычайно большое число художественных произведений, различных научных и публицистических работ, проявить себя в качестве идеолога и социального лидера. Ныне о нем гораздо чаще говорят как о поэте и писателе и менее всего как об ученом. На самом деле научное наследие Ивана Франко количественно не менее значительно нежели художественное, но, в отличие от последнего, все еще не столь известно, а во многом и совершенно не открыто. До сих пор не существует даже сколь-либо полной библиографии его произведений, огромное их число рассеяно в самых разных периодических изданиях, выходивших в нескольких странах на ряде европейских языков. Много тайн хранит весьма объемный личный архив Ивана Яковлевича, сберегающийся в составе рукописных фондов Института литературы им. Т.Г. Шевченко Национальной академии наук Украины (НАН Украины). Наряду с архивом Франко, насчитывающем более пяти тысяч единиц хранения, в Институте литературы находится и огромная, более чем в двенадцать тысяч томов, его библиотека, каталог которой сейчас готовится к печати.

Обо всем этом недавно говорили ученые, съехавшиеся со всего мира во Львов на Международный научный конгресс, посвященный 150-летию со дня рождения И.Я. Франко (27 сентября — 1 октября 2006 г.). На Конгрессе речь шла и о работе над полным академическим собранием сочинений Ивана Франко, задаче поистине титанической; об отсутствии, несмотря на обилие биографических книг о нем, его научной биографии и необходимости ее написания; о создании энциклопедии «Иван Франко», над которой трудятся сотрудники львовского отделения Института литературы НАН Украины. Одним словом, открыть Франко миру, собрать, изучить и опубликовать весь корпус его художественных, научных и публицистических сочинений — едва ли не самая сложная и насущная задача современной украинской гуманитаристики.

Напечатанное два десятилетия назад в Киеве 50-томное собрание его сочинений¹, уже тогда представлялось многим знатокам творчества Ивана Франко явно недостаточным, требующим огромных текстовых дополнений и научных доработок. Сейчас же о необходимости издания полного свода его писаний, изучении и популяризации всего духовного наследия заговорили в интеллектуальных кругах Украины повсеместно, а 27 августа 2006 г. об этом был подписан специальный президентский указ за № 727.

В 50-томное собрание сочинений Ивана Франко не вошло очень многое из написанного им: по самым предварительным подсчетам, примерно столько же самых разных по характеру его текстов. Среди них огромное число славяноведческих работ, лишь часть которых оказалось помещенной в пятидесяти-томнике.

¹ Франко І. Зібрання творів: В 50 т. // АН УРСР. Ін-т літератури ім. Т.Г. Шевченко; Редкол.: Є.П. Кирилюк та ін. — Київ: Наук. думка, 1976–1986. Т. 1–50.

- I. Моравсько-наморавське письменство
- II. Старобългарське письменство
- III. Хорватське рунське письменство
- IV. Історіографія і право в історії Румун
- V. Географія і народники.
- VI. Релігійна поезія
- VII. Промови і поуреччя.
- VIII. Народна наука про природу.
- IX. Повість і притча
- X. Староруська поезія.
- XI. Чужі і старор. Книжковості і мовна во-
свідомість
- XII. Література XVIII в. (Григор'єв)
- XIII. Література XVIII в. А. Поезія протид
нації
- XIV. Літерат. XVIII в. Б. Оповіді, уривки, інтер-
- XV. Короткі трагедії і комедії XVIII в.
- XVI. Література XVIII в. Микола
- XVII. Література XVIII в. А. Пам'ятки дроз
- XVIII. Література XVIII в. Б. Микола
- XIX. Література XVIII в. Микола
- XX. Література XVIII в. Микола

Автограф плану «Історії української літератури»
Івана Франко

Впрочем, и в нем они занимают чуть ли не половину объема, если относиться к ним и украиноведческие исследования, а также переписку с учеными и различными славянскими деятелями.

Сам Иван Франко очень конкретно и аргументировано определял свое место ученого-слависта в нарождавшейся тогда новой украинской гуманитарной науке. Очень интересна его самооценка, сделанная в автобиографии 1893 г., составленной им в преддверии защиты докторской диссертации в Венском университете. Иван Франко подробно пишет о своих научных работах и лишь в самом конце обширной автобиографической записки кратко, в одном предложении, упоминает о своем художественном творчестве. Читая этот документ, едва ли можно усомниться в том, что перед нами исследователь, «давней заветной мечтой» которого, как писал сам Иван Яковлевич, «была славистика». Тут же он сообщает важнейшие подробности своей научной деятельности, дает анализ всего комплекса своих славистических исследований, преимущественно в области литературоведения, этнографии и фольклористики. Очень много места уделяет своим украиноведческим трудам, специально выделяя деятельность по разысканию и собиранию памятников украинской письменности, начиная с древнейших; исследованию творчества отдельных украинских писателей разных времен, а также апокрифов и народных песен, в том числе и знаменитого сборника «Богогласник». Эта особая любовь к народной книжности и литературе у Ивана Франко не угасала всю его жизнь.

Ивана Франко по праву считают одним из крупнейших исследователей древнеукраинской литературы, причем наибольший вклад внесен им в изучение ее произведений XVI–XVIII вв., «особенно с середины XVI в.», как писал он сам в автобиографии.

Вместе с тем, ему принадлежит большое число работ и об украинских писателях XIX столетия, многих из которых он лично хорошо знал. По сравнению с другими частями научного наследия Ивана Франко, эта, украиноведческая, сравнительно неплохо изучена, хотя все еще нет обобщающего труда о нем как о литературоведе–украинисте². Во многом такое положение объясняется необычайной широтой его исследований, а потому чрезмерной сложностью или даже невозможностью одновременно дать оценку не только всем его трудам по истории украинской литературы, но даже и отдельным из них.

Еще более трудоемкая задача детально определить вклад Ивана Франко в мировую славистику, ибо колоссальный масштаб его исследований в данной сфере не только сравним, но даже превосходит наработки многих патриархов славяноведения. Он был украинистом, полонистом, богемистом, русистом, болгаристом, сербистом... Традиционно более всего об Иване Франко по-прежнему пишут польские ученые, которым удается к самым трудным вопросам привлекать даже молодых зарубежных исследователей, в том числе защищающих диссертационные работы³.

*

*

*

² См., напр.: Войтюк А.Ю. Літературознавчі концепції Івана Франка. Львів, Вища шк., 1981; Пустова Ф.Д. Іван Франко – історик української літератури. Київ: Вища шк., 1989; Франкознавчі студії: Зб. наук. праць. Дрогобич: Вимір, 2001–2002. Вип. 1–2 и др.

³ См., напр., недавно, в 2001 г., защищенную в Варминско-Мазурском университете (г. Ольштын) докторскую диссертацию Сеунга Хои Йина «Współpraca Iwana Franki z „Kurierem Lwowskim”» («Сотрудничество Ивана Франко с „Львовским курьером”»).

Теорія і розвій історії літератури.

Написав *Іван Франко.*^{*)}

Що треба розуміти під історією літератури в загалі? Який її матеріал, яка тема, яка метода, яка мета? А спеціально історія української літератури чи не насуває явних окремних задач, труднощів та суперечок, які не виступають зовсім у інших літературах освічених народів, або виступають у інших формах?

В найширшій розумінню цього слова література, се збір усіх духових вишодів чи то якогось одного народу (національна література), чи то більшої групи народів, або й усього людства (всесвітня література), зложених у людській мові. Отже буде тут збір переказів та споминів, досвідів та дослідів, вигадок та пісень чи то передаваних із пам'яті, а уст до уст і в покоління в покоління (устна словесність), чи то закріплених письмом (письменство). Вирваних і тривких границь між словесністю і письменством нема, бо те, що раз затверджено на письмі, може переходити знов у усну традицію, в пам'ять і життя нових поколінь, і навпаки, те, що вчора зложилося в усній передачі або існувало від віків у пам'яті людей, свого дня може бути закріплене письмом.

Коли під літературою розуміти всі явища людського слова в загалі, то очевидно треба в ній зробити деякі поділи відносно до тих задач і функцій, які виконує людська мова в людському житті. При допомозі мови чоловік задоволює потреби сво-

*) Отця розвідка, се власливо Передне слово до просторої історії українського (нідецько-руського) письменства, яка буде протягом найближчих літ друкована ся в Записках і потім вийде окремою книжкою. *І. Ф.*

Написано Навесні 1909 г. в Швейцарії, в Аппенцелі.

1

Предисловие Ивана Франко к незаконченной «Истории украинской литературы», напечатанное в виде отдельной статьи в 1909 г.

Публикуемый нами очерк И.Я. Франко по истории украинской литературы («Южнорусская литература»), специально подготовленный им для известного российского «Энциклопедического словаря» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона (СПб, 1890–1907. Т. 1–43) и напечатанный в 1904 г. в 41-м его томе (С. 300–326)⁴, представляет целостный взгляд автора на развитие украинской словесности с древнейшей поры и до начала XX в. Этот синтез подводит своеобразный итог литературоведческим исследованиям самого Франко и оказывается единственным в его наследии, охватывающим всю историю украинской литературы.

Постоянная тяга к изучению родной словесности, работа над «Южнорусской литературой» и большой интерес к этому очерку в России и за рубежом подтолкнули Ивана Франко к созданию объемной «Истории украинской литературы», которая осталась незавершенной и была доведена им, хотя и не полностью, до конца XVIII в.⁵ Быстро прогрессирующая болезнь помешала ученому полноценно продолжать свои исследе-

⁴ Этот же текст был выпущен в виде отдельного оттиска со специальным титульным листом. См.: Франко И. Южнорусская литература. СПб, 1904.

Таких оттисков сохранилось немного, особенно интересны те из них, на которых имеются автографы Ивана Франко. В дальнейшем такие автографы необходимо будет выявить и опубликовать в объявленном академическом полном собрании его сочинений. См., напр., экземпляр оттиска с автографом Ивана Франко, хранящийся в фонде Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге (шифр 62-7/4044)

⁵ Опубликована в: Франко І. Зібрання творів: В 50 т. Київ, 1983. Т. 40. Оригінал рукописи Івана Франко «Історія української літератури. Частина перша. Від початків українського письменства до Івана Котляревського» и ее писарская копия хранятся в Отделе рукописей Института литературы им. Т.Г. Шевченко НАН Украины в фонде № 3 (единицы хранения №№ 570–571).

дования и, в частности, закончить «Историю украинской литературы», над которой он усиленно трудился после 1905 г.

Очерк «Южнорусская литература» — не только памятник мысли одного из величайших представителей мировой науки, культуры и литературы, но и искусно написанное литературоведческое и историко-культурологическое произведение, в значительной своей части (повествование о XIX — начале XX вв.), являющееся и важнейшим документом той эпохи. Очерк публикуется нами по первоизданию 1904 г., служившему оригиналом, ибо сама рукопись «Южнорусской литературы» не сохранилась. В архиве Франко имеется лишь ее фрагмент. Издание 1904 г. было положено и в основу переиздания очерка в составе 50-томного собрания сочинений ученого⁶, осуществленного сотрудниками Института литературы им. Т.Г. Шевченко НАН Украины.

Учитывая, что наша публикация предназначена самому широкому кругу читателей, не исключая научных работников и студентов, мы старались максимально бережно отнестись к тексту 1904 г. и, внося минимальные исправления при адаптации его графики, позволили себе оговорить некоторые неточности автора в разделе «Примечания», а также раскрыть сокращения отдельных слов в квадратных скобках. При этом печатный текст 1904 г., набранный в два столбца сплошной полосой, пришлось, для удобства чтения, дополнительно разбить на отдельные абзацы.

Подготовка книги потребовала от нас обращения к целому ряду архивных и библиотечных собраний Украины, России и Польши. Хочется сердечно поблагодарить их работников, помогавших нам, а также выразить особую признательность за помощь сотрудникам Института литературы им. Т.Г. Шевченко НАН Украины.

⁶ См.: Франко І. Южнорусская литература / Франко І. Зібрання творів: В 50 т. Київ, 1984. Т. 41. С. 101–161.

ЮЖНОРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

I. Вступление.

Это название употребляется здесь не в смысле географическом; оно применяется не к литературе (вернее — литературам) юга России, а к литературе одной из славянских этнических особей, именуемой также малорусскою, русинскою или украинскою. Как этнически, так и в смысле историко-литературном эта особь представляет столь цельную и резко определенную физиономию, что, напр[имер], самую новейшую эпоху ее литературы, наиболее полно отражающую национальную жизнь во всех ее отправлениях, нельзя рассматривать отдельно от предшествующих эпох, не рискуя разорвать связь явлений.

В ю[жнорусской] литературе, как и во всякой другой славянской, духовная жизнь нации с незапамятных времен отражалась параллельно в *словесности* (устной традиции мифологической и поэтической) и *письменности*; первая была достоянием более или менее широких масс народа, вторая была преимущественно органом государства, церкви и школы, проникая, однако, постепенно в более или менее широкие народные массы.

Одна из самых характерных черт ю[жнорусской] литературы — параллельность и близость этих двух течений. С одной стороны, в устной словесности южно-русска, даже в том ее составе, какой сохранила народная память еще в XIX стол[етии], мы можем проследить отражение всех исторических судеб и всей культурно-исторической эволюции на-

рода почти с доисторических, дохристианских времен до наших дней; с другой стороны, и письменные памятники ю[жнорусской] литературы с самых древних времен, несмотря даже на некоторую ненародность их языка, имеют всегда более или менее яркую окраску народного южнорусского элемента. С течением времени это сближение и взаимодействие обеих ветвей литературы делается все теснее и живее.

Как вся культурная история южнорусского народа, так и его литература разделяется естественно на три эпохи: 1) эпоху самостоятельной политической жизни, от ее начала до половины XIV стол[етия]; границей можно принять год 1340, когда окончательно было упразднено галицко-русское княжество; 2) эпоху литовского и польского владычества, с последующим за ней периодом включения южнорусских земель в состав государств российского и австро-венгерского, с половины XIV по конец XVIII стол[етия]; 3) эпоху национального возрождения южнорусского племени преимущественно путем литературы.

II. Эпоха самостоятельной политической жизни.

Характерные черты этой эпохи — возникновение государственной организации с князем во главе, с дружиной, вечами свободных граждан, с концентрацией политической и духовной жизни в городах, с военными походами за море и в степи. Наиболее важное событие этого времени — принятие христианства.

Начало южнорусской изустной словесности, равно как и письменности, недоступно для наших изысканий. В древнейших южнорусских обрядных песнях (колядках, щедривках, веснянках, свадебных, конечно не всех) мы имеем довольно живые отражения языческой старины, воззвания к языческому Дажьбогу, останки культа природы.

Л Е К С И К О Н Ъ
СЛАВЕНОРѢССКІЙ,
И И М Е Н Ъ
ТЪЛКОВАНІЕ.

Прѣвое Тѹпомъ Изъбразѣна.

Въ Кіновіи Свѣ: Чудоборныя Лавры
ПЕЧЕРСКІА КІЕВСКІА.
Становища Архїеп: Н: р: Ксѣтїа: Патриархи Вселїи
Лѣта Бгїа Міра, зрѣ. ѿ Ржва же Хлѣ. 4ХХ5.
Хрисопѣха. Индікта. 1.
мѣсѣца. 11.

Тщанїемъ, оѣдѣнїемъ же и
нжданїемъ малѣйшаго въ Іеросолїсахъ
ПЧМБЫ БЕРЫНДЫ Протоісѣла
Ѳроноу Іерусалимскому.

С *

Титульный лист «Лексикона» Памвы Берынды
(Киев, 1627)

Есть указания на существование писем в дохристианской Руси (тексты договоров Игоря с греками, свидетельства арабов и автора паннонского жития Кирилла). Как бы скептически мы не относились к этим свидетельствам, все-таки очень правдоподобно, что в таких древних центрах торговли, как Киев, Чернигов, Новгород, Переяславль, имевших частые торговые сношения с цивилизованными народами Запада и Юга, знание письма (какого бы то ни было — греческого, или латинского, или готского) должно было существовать в более или менее широких размерах. Мы знаем также, что и христианство имело в Южной Руси немало приверженцев задолго до официального крещения; значит, и первые южнорусские церкви должны были иметь хоть какие-нибудь начатки письменности, поучения на местном языке, ежели даже принять, что они пользовались греческими литургическими книгами.

Официальное принятие христианства вводит Южную Русь в тесные дружественные сношения с Византией. Отсюда, а может быть, еще более из близкого Корсуня, получает Русь свое первое духовенство, церковные книги и произведения религиозного искусства (иконы, образцы церквей). Специально влияние Корсуня (греч[еского] Херсонеса Таврического) оставило многочисленные следы в древнерусской легенде и традиции; оно легло в основание первой русской национальной легенды о крещении Руси и связанного с ней цикла легенд о Клименте Римском и обретений его мощей в Корсуне.

Принятие Русью христианства упрочило сношение Руси с Болгарией, которая предшествовала ей на пути христианизации. Исторических свидетельств о сношениях древней христианской Руси с Болгарией у нас нет, но мы имеем вещественные доказательства таких сношений в церковных и других книгах, переведенных с греческого на древнецерковный язык в Болгарии и занесенных на Русь в эту первую эпоху. Вместе с переводами к нам приходили из Болгарии и первые начатки оригинальных сочинений на этом языке, напр[имер] так на-

зываемые] паннонские легенды о славянских апостолах Кирилле и Мефодии, сочинение монаха Храбра об изобретении славянских письмен, сочинения Климента Болгарского, Иоанна Экзарха, житие Вячеслава и Людмилы чешских.

Шла ли к нам из Болгарии в ту раннюю эпоху пропаганда болгарской ереси, так называемого] богомилства, в форме изушной проповеди болгарских миссионеров, как это имело место на западе Европы, — не знаем; глухие и притом несколько более поздние упоминания о болгарских книгах, содержащих всякие басни и вредные учения, позволяют лишь догадываться, что Русь усваивала себе у болгар, кроме книг литургических, Священного Писания и отеческих поучений, также многочисленные произведения так называемой] отреченной, апокрифической литературы, из коих многие, восполняя пробелы в официальной церковной традиции, или соприкасаясь с исконными народными верованиями, или наконец, удовлетворяя народную потребность в свободной игре фантазии и поэтических эмоциях, сделались достоянием широких масс народа, влияли на его изушную словесность или подвергались многочисленным переделкам и подновлениям и до сих пор не потеряли среди него своей силы и своего влияния.

Из прочих посторонних влияний, которые в эти древние времена участвовали в формировании духовного облика народа, можно оставить в стороне варяжское и готское, как слишком затемненные и почти неуловимые.

Гораздо яснее выступает влияние еврейское, собственно иудейско-раввинское. Уже легенда о крещении Руси говорит о иудейских миссионерах, пытавшихся обратить Владимира в еврейство. Сила и продолжительность еврейского влияния объясняется соседством и сношениями Руси с хозарами, правящие классы которых держались одно время Моисеева закона, а также соседством Крыма, с его караимскими колониями.

Прямое влияние еврейской пропаганды в древней Руси мы видим — оставляя в стороне спорный вопрос о секте жидов-

ствующих, — в перенесении непосредственно из еврейских источников (Талмуда, Мидрашей и более поздней иудейской литературы) некоторых легенд, апокрифов (Соломон и Китоврас), притч (о слепце и хромце), вероятно не в виде переводов, а скорее посредством изустной передачи, и даже некоторых религиозных и догматических воззрений, следы которых встречаются, напр[имер], у Кирилла Туровского. Интенсивностью еврейского влияния объясняется также существование в Южной Руси оживленной анти-еврейской полемики, венцом которой была книга «Палея толковая», составленная в значительной части из произведений (апокрифов) еврейской литературы.

Греческие иерархи, приходившие из Византии, под свежим впечатлением борьбы между церквями восточной и западной, перенесли к нам также полемику против латинян, идущую в Южной Руси непрерывно до самых новейших времен. Нельзя сказать, чтоб эта полемика уже в те древние времена была у нас чем-то экзотическим; при непрерывных и довольно широких купеческих и дипломатических сношениях Киевской, а потом Галицкой Руси с католическим Западом, возможность латинской пропаганды была всегда довольно велика, хотя прямых культурных или литературных влияний Запада на Русь до самого XIV стол[етия] мы почти не замечаем.

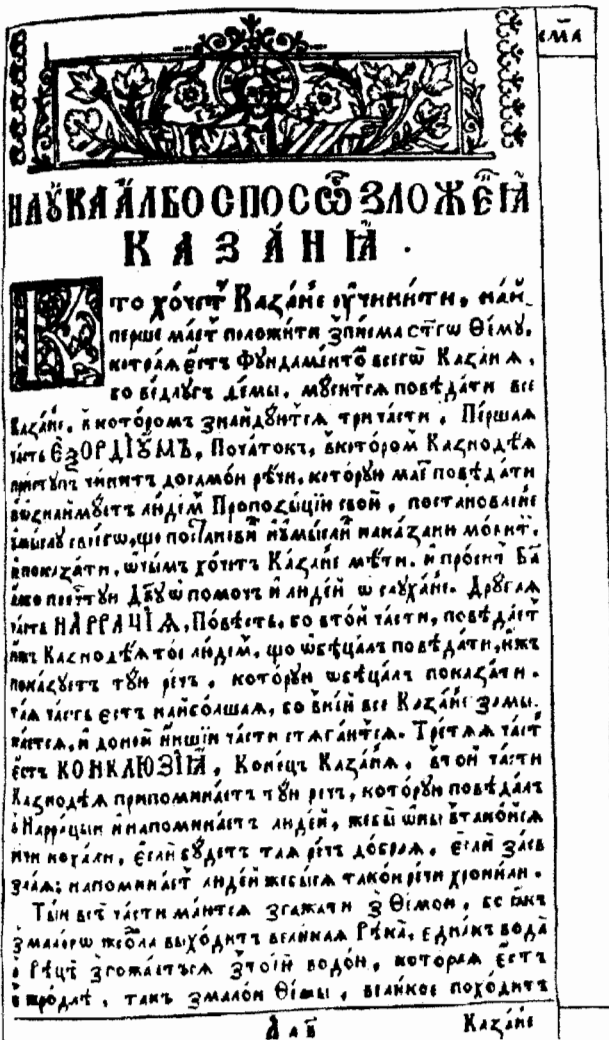
Самая сильная и широкая струя культурного и литературного влияния шла к нам из Византии. Мы получили отсюда не только священные и литургические книги, но массу поучительной и назидательной литературы, в том числе такие капитальные в культурно-историческом отношении книги, как Четью-минею и Пролог, переведенные с греческого по всей вероятности на Русь и расширившиеся здесь новыми вставками местного происхождения.

Из Византии пришли к нам образцы исторической литературы в форме хроник Малалы, Амартола и патриарха Никифора, компиляций в роде хронографов, продолжавших свое

развитие на русской почве. Византия дала нам в разных святоотеческих писаниях, Шестодневх и апокрифических сочинениях некоторые скудные элементы естественных познаний. От нее же идут образцы изящной словесности не только в отрывках религиозной гимнологии, вошедших в церковные песнопения, но и в повестях и песнях мирского содержания, как известная «Александрия», вошедшая в состав хронографов, как Девгениево деяние — довольно самостоятельная перделка греческого национального эпоса о Дигенисе Акрите, как переведенное с греческого, первоначально индийское собрание сказок и басен «Стефанит и Ихниллат», как первоначально семитское, но тоже перешедшее к нам через Византию сказание об Акире премудром, как произведения духовной эпик в роде романа «Варлаам и Иоасаф» и масса древних новелл и сказаний, включенных со временем в громадные сборники житий святых (о Егории Храбром, Алексее, человеке Божиим, Евстахии Плакиде, Марии Египетской и т. п.). Эти последние сочинения, переводившиеся в самую раннюю эпоху нашей письменности, не только удовлетворяли потребность наших предков в чтении поэтических созданий, но давали готовые образцы и мотивы для собственных произведений.

Наконец, нельзя не упомянуть об образцах церковного, канонического права, полученных нами из Византии в виде разных пандектов, номоканонов и законоправильников, коих собрание опять таки обогащалось на Руси собственными уставами и правилами, соответствовавшими потребностям русской церковной жизни.

В разных редакциях греческого индекса книг истинных и ложных, переводимых у нас, Русь получила первый, хотя довольно примитивный образчик религиозно-литературной критики, тоже не оставшийся без влияния на движение русской мысли.

Страница книги Иоаникия Галитовского
«Наука... зложєня казанія» (Киев, 1659)

Но для оценки влияния Византии на Русь не менее важно знать и взвесить то, чего она нам не дала, не потому, может быть, что не хотела, как позже утверждали многие полемисты, а потому, что была неспособна дать, или мы не были способны воспринять и культивировать получаемое. Она не дала нам систематической, для образования широких масс приспособленной школы, потому что не имела ее и для своих масс: более высокое просвещение в ней было доступно только немногим избранным. Она не дала нам знакомства с древне-классической литературой и наукой потому, что и в ней самой эти традиции были в то время в загоне, да и Русь не была способна воспринять их.

Как среди различных влияний развивалась ю[жнорусская] литература с XI до половины XIII в., это в существенных чертах указано в статье А.Н. Пыпина (см. XXVIII, стр. 581 и сл.) [1]. Характеристической особенностью древней ю[жнорусской] литературы является обилие сборников разнообразного содержания, составленных более или менее систематически, с более или менее определенной целью дать читателю в руки энциклопедию самонужнейшего и заменить ему школу.

Образцы таких сборников Русь получила из Болгарии (Сборники Святослава 1073 и 1076 гг.); впоследствии мы видим целый ряд подобных полуоригинальных произведений («Златая цепь», «Матица», «Измарагд», «Златоструй», «Златоуст» и др.), составленных обыкновенно из отрывков переводных, но иногда и оригинальных русских произведений. Особое место среди этих сборников занимает «Пчела», сборник апофегм и мудрых изречений, переведенный с греческого. «Пчела», вместе с книгами притч, Екклезиаста и Иисуса, сына Сирахова, имела значительное влияние на составление древнерусских памятников подобного рода (напр[имер], Моление Даниила Заточника).

Непосредственно к греческим образцам примыкает и даже кое-где пользуется греческими шаблонами древнерусская агиобиография, создавшая, однако, несколько циклов оригинальных произведений легендарного характера, из которых самый важный — «Печерский Патерик», имеющий гораздо более литературное, чем историческое значение. Кроме Патерика, важны легенды о равноапостольном Володимире и крещении Руси, о убиении Бориса и Глеба и о св. Николае Мирликийском, который с началом XIII в. делается как бы национальным русским святым и медленно устраняет более давний культ Климента Римского.

Гораздо менее шаблонного и гораздо более непосредственных следов живой действительности мы имеем в древнерусском летописании. Началось оно несомненно еще в начале XI стол[етия], вероятно — в центре политической жизни древней Руси, в Киеве. При живом участии значительного большинства свободных людей в политической жизни страны неудивительно, что интерес к удержанию на письме воспоминаний об этой жизни пробуждается скоро и в других центрах, оживляет людей разных сословий и званий.

Возникают многочисленные и разнообразные по характеру и колориту записки и сказания, которые в XII и XIII веках входят в состав так назыв[аемой] «Повести временных лет» и тех больших компиляций нашей древней исторической традиции, которые дошли до нас в многочисленных изводах и редакциях. Эти летописные компиляции имеют большой интерес и для историка литературы, так как в их состав вошли целиком или с некоторыми изменениями сочинения, неизвестные из других источников (Поучение Ярослава [2] Мономаха), многие сказания, взятые из уст современников, рассказы древних песен и былин (борьба отрока с печенегом и основание Переяславля, белгородский кисель) или живые рассказы очевидцев, полные драматизма, как рассказ некоего Ва-

силія об ослепленіи Василька тербовельскаго и волынскои войнѣ 1097—1099 гг., рассказ о походе Игоря на половцев и т. п.

В летописях мы находим не только многочисленныя указанія на песни, пение и певцов в древней Руси, но и некоторыя образцы древней поэзи: поговорки и пословицы, местные и героическія преданія, отрывки песен, из коих самый интересный — сказаніе о половецком ханѣ Отрокѣ и Гудцѣ Оре (в самом началѣ так назыв[аемой] Галицко-Волынской летописи). Этот отрывок, вместе с присоединеннымъ къ нему отрывкомъ похвалы князю Роману составляетъ почти единственныи ценный pendant къ уцелевшему до нашихъ дней болѣе обширному произведенію древней южнорусской дружинной поэзи, известному Слову о полку Игоревѣ. Много остатковъ этой поэзи сохранилось, в болѣе или менѣе видоизмененномъ состояніи, в устахъ южно-русского народа в формѣ обрядныхъ песен, а главнымъ образомъ колядокъ, щедривокъ и свадебныхъ.

Упомянутыя о событіяхъ и лицахъ въ этихъ песняхъ выветрились совершенно, но образъ быта, сословной среды остался нетронутымъ: боярство и «дружба» (дружинникъ), князь и его дворъ, походы и оружіе (лукъ и стрѣлы), охота съ соколами, убиваніе туровъ и оленей, костюмы мужской и женскій — все указываетъ на бытъ свободныхъ, богатыхъ людей XII—XIII в.

Кромѣ памятниковъ мирской поэзи, существовала в древней Руси аналогическая поэзія духовная — каноны, песни и сказанія на мотивы церковныя и апокрифическіе; интересенъ образчикъ внецерковной поэзи, близко подходящій къ складу Слова о Полку Игоревѣ — такъ назыв[аемое] Слово о Лазаревѣ воскресеніи.

В 1240 г. происходитъ разгромъ Кіева — главнаго центра древне-русской политической и духовной жизни. Ежели до техъ поръ южно-русская жизнь и литература была до известной степени обще-русской, то теперь общее теченіе видимо все болѣе и болѣе разветвляется; одинъ потокъ отливаетъ на северъ (Владимиръ, Суздаль, Москва), другой — о происхожденіи

киевлянин, Петр — уроженец Галицкой Руси; составленные в Киеве летописные записки входят в состав летописи, отредактированной в конце XIII стол[етия] в Суздале; киевские митрополиты идут на север и возвращаются оттуда. Но уже в XIV стол[етии] течения расходятся; на севере возникает новая литература, хотя и на основании южнорусской письменной традиции, но с физиономией другого этнического облика; на юго-западе продолжается старая традиция и в свою очередь осложняется новыми, западно-европейскими течениями, выработывая новый тип, отличный от северного.

III. Эпоха литовско-польского владычества.

После монгольского разгрома 1240 г. политическая жизнь, хотя и в некоторой зависимости от татар, продолжалась в Галицкой Руси еще 100 лет. Оторванная от своего естественного центра, Киева, она тянется к западу, входит в разнообразные сношения с Венгрией, Австрией, Польшей, Германией, Римом.

Впервые под давлением татарского ига возникает мысль о более тесной связи с Западом посредством унии с Римом, и эта мысль со времен Данила Галицкого не исчезает; Южная Русь теперь, так сказать, поворачивается лицом к Западу.

Почти целое столетие кажется, что духовная жизнь и литература Южной Руси не изменилась, но только оскудела. Летописные повествования продолжают: к Галицко-Волынской летописи примыкает Литовская, к Киевской, включенной в Ипатьевский свод, — краткая Киевская, повествующая главным образом о южнорусских событиях конца XV и первой половины XVI стол[етия]. Церковно-учительная письменность состоит по-прежнему из поучений митрополитов (Киприан, Фотий, Цамвлак [3], Исидор).

Вместе с тем, однако, чувствуется веяние нового времени. Русские митрополиты принуждены обращать свои взоры на

Запад: Цамвлак присутствует на католическом соборе в Констанце (1414—1418), Исидор — в Ферраре и Флоренции (1438). Туда же обращают свои взоры и светские южноруссы: политическая уния Литвы с Польшей втягивает русских бояр и князей в общение с польской шляхтой и западным просвещением. Конец XIV столетия — эпоха зарождения гуманизма, основания первых университетов (1348 г. в Праге, 1400 г. [4] в Кракове); на территориях, опустошенных татарами, начинают возрождаться города — новые центры цивилизации; некоторые, как Львов, населяются немецкими и польскими колонистами, другие имеют преимущественно южнорусское население, но получают сперва от литовских князей, а потом от польских королей магдебургское право и значительные льготы.

Прилив западных колонистов вносит новый дух в южнорусское мещанство; в борьбе за свои сословные права оно постепенно доходит до мысли отстаивать также свои религиозные и национальные интересы, составляет для этой цели церковные братства, основывает школы и типографии, пытается отвоевать себе право участия в управлении церковными делами. Влияние новых политических обстоятельств отражается и на языке новой ю[жнорусской] литературы.

Господство древне-церковного языка вне церкви падает; занесенное из Болгарии «добрословие» почти не коснулось Южной Руси; письменный язык подпадает сильному влиянию того государственного и канцелярского языка, который выработался в Литве на основании белорусского наречия, с примесью польских и латинских терминов. По мере своего распространения в Южной Руси этот язык в конце XVI в. все более и более приближается к местному южнорусскому, или украинскому языку, хотя и здесь не обошлось без реакции.

Одним из самых могущественных рычагов дальнейшего развития письменности и всей духовной жизни является книгопечатание, занесенное туда в конце XV в. немцем Швай-

польтом Фиолем (1491), отпечадавшем в Кракове пять церковно-славянских литургических книг. В XVI в. печатает русские книги Франциск Скорина в Праге (1517 г.), потом в Вильне (1527) [5]

Вместе с другими югославянскими произведениями, почерпнутыми иногда из латинских источников (Александрией сербской редакции, Никодимовым евангелием, переведенным с латинского), приходят и сербские печатные издания Божидара Вуковича (1536–38), употреблявшиеся в ю[жнорусских] церквях и монастырях кое-где еще в XVIII в. 40 лет спустя после виленских изданий Скорины начинается в Южной Руси, с легкой руки московских выходцев Ивана Федорова и Юрия Мстиславца [6] правильное книгопечатание, сперва в Заблудове, потом в Вильне, Львове, Остроге и друг[их] менее значительных городах и м[онасты]рях, позже — в Киеве и Чернигове.

Самое важное и замечательное из ю[жнорусских] изданий конца XVI в. — знаменитая Острожская Библия 1580–81 гг. Это первое полное издание церковно-славянского перевода всей Библии. Появляются и переводы Евангелия на народный южнорусский язык. Князь Курбский, поселившись на Волыни, имел влияние на развитие просвещения в Южной Руси. Горячий защитник православия, он видел его слабость в недостатке книг, сам переводил творения Иоанна Дамаскина, поощрял молодежь изучать греческий и латинский языки, искать образования в западных университетах. Последние два десятилетия XVI в. ознаменовались значительным подъемом общественного и умственного движения в Южной Руси. Из сближения с Западом вырастает целый ряд конфликтов между православными и латинянами, как борьба за реформу календаря и за церковную унию с Римом (См. Уния. XXXIV. 821 сл.) [7]. В этой борьбе принимают участие не только духовные, но и мирские люди. В 1596 г. [8] печатается первая грекославянская грамматика «Адельфотес».

ДРЕВНАГО СЛАВЯНОСКАГО НАРОДА.

ВЗНАЧАЛНА РОДИТЕЛЪ, И
ТВОРЦА ВНА ТВАРИ ОУГОДНИКА,
КОРЕНЬ ЖЕ И ПРАЗДИТЕ ТАКОВАГО
РОДА ПО ПЛОТИ БЛАЖИИ ВЪ ПА-
ТРАРХУ НСО, ПО ПОТОПѢ ТРИМЪ
СНѢМЪ СВОИМЪ, МНѢ ЖИТИЕ ВЪ МІРѢ
СИМЪ НА ТРИ ЧИНЫ РАЗДѢЛИ, КОИМУЖДА
ШОБѢ НАЗНАМЕНОВА И ШПРЕДѢЛЪ: СМѢ САНЪ
ОЩЕНИТКА, ХАМЪ ИГРО РАБОТЫ, АФІТЪ ДОИТО-
АНІИ ЧРЕКО, КРАСНОСТЬ ВОИНИСТВИНЪ, И РАЗШ-
ІНИ ПАІМІНИ ПО ЯМИНЪ ЕГЪ; АФІТЪ КО ТОВАКЪ
ІА РАЗШІРІНИ, НАН РАЗШІРІТІАНИ. ТАКОЖЕ

КЪ: 2.

СТР:
КНІ: 2.
ЛІТ: 5.

СТР:
КНІ: 5.
ЛІТ: 5.

а

а
и мѡ

Возникают многочисленные школы, прежде всего в городах, при братствах, которые одною из своих главных целей ставят содержание «даскала», т. е. учителя.

Самый могущественный защитник православия, князь Константин Острожский, основывает академию в Остроге и всячески поощряет талантливых и ученых южноруссов к защите православия. В Остроге работают Герасим Смотрицкий, Василий Суражский, автор ученой, но несколько механически составленной «Книжицы о вере единой» (1588), блестящий полемист Христофор Бронский, автор «Апокризиса» (1598) или ответа православных на второе издание книги Скарги «O jedności kościoła Bożego» и на униатское изложение истории собора 1596 г. Во Львове в защите православия выступают мещане, главным образом Красовский и Рогатынец, последний, вероятно, автор замечательного трактата «Пересторога всем православным зело потребная».

Живостью изложения, богатством и образностью языка и искренностью чувства всех превосходит Иван Вишенский, уроженец Галицкой Руси, афонский монах, который в своих посланиях, кроме полемики с латинянами, указывает православным необходимость коренной реформы собственной жизни, необходимость демократизации общества и стойкости характера. Идеи Ивана Вишенского разделял его друг, тоже афонский монах Иов Княгиницкий, основавший иноческую обитель в пустыни Марковой в Карпатских горах.

Его наследник на игуменстве Феодосии положил своим уставом общежития и своим увещанием к инокам начало реформе православного иночества. Скит Манявский сделался исходной точкой возрождения, и благодаря ему православие держалось в Галицкой Руси вплоть до конца XVII в. Скит был тоже очагом церковной проповеди и поучений. Его основатель оставил нам одну из первых попыток литературной критики — разбор сочинения Кирилла Транквиллиона-

Ставровецкого «Зерцало богословия». Инок Игнатий из Любарова написал интересное житие Иова.

Православие защищали и другие писатели, напр[имер], братья Зизаний-Тустановские, Стефан и Лаврентий (Лаврентий — автор церк[овно]слав[янской] грамматики и букваря), Памва Беринда, автор первого словаря церковнославянского языка (1627) и разных панегирических стихотворений, — и наиболее плодовитый и начитанный, но наименее стойкий из них Кирилл Транквиллион-Ставровецкий, автор «Учительного евангелия» (1619), «Зерцала Богословіи» (1618), служившего руководством для священников, и интересного собрания прозаических и стихотворных сочинений, изданных уже после смерти автора, под загл[авием] «Перло многоценное» (1646). Особенно стихотворные части этой книги замечательны своим стихосложением, очень близким к той оригинальной форме, в какой дошли до нас из уст кобзарей украинские козацкие думы. Ставровецкий перед смертью изменил православию и умер униатом.

Среди противников православия главное место занимал Ипатий Поцей, главный зачинщик унии, епископ владимирский, впоследствии униатский митрополит киевский, один из лучших мастеров тогдашнего языка (его образцом был Скарга), автор полемических сочинений: «Уния» (1595), «Антиррезис» (1599), «Гармония» (1608) и ответа на письмо Мелетия Пигаса (1606), а также значительного числа проповедей, оставшихся ненапечатанными и изданных впоследствии Львом Кишкой в польском переводе. Поцей — талантливый полемист, хорошо владеет всеми приемами иезуитского красноречия, умеет мастерски подделываться под личину сердечности и смиренномудрия, чтобы потом вдруг перейти в гордый и заносчивый тон человека, власть имущего. В этом отношении открытое письмо Мелетия и ответ на него Поцея составляют самый яркий и поучительный контраст.

Возле Поцея можно назвать разве Вельямина Рутского, реформатора Базилианского ордена, который писал только польски и по-латыни и положил начало довольно богатой польской письменности ю[жнорусских] базилиан в XVII–XVIII вв. Шатание между Русью и Польшей, между православием и унией или латинством заедает в первой половине XVII в. двух очень талантливых, но слабохарактерных южно-руссков: Кассиана Саковича, сперва ректора братской школы в Киеве и автора стихов на похороны гетмана Петра Конашевича (1622), потом яркого «перекинчика», латинника и автора многих злобных сочинений против православия, — и Мелетия Смотрицкого, сына Герасима, автора ценной полемической книги «Threnos, to jest lament wschodniej Cerkwie» (1610) и других полемических сочинений в защиту православия, которому он впоследствии изменил (См. Мелетий Смотрицкий, XIX, 23) [9].

Около 1620 г. на первый план умственного и литературного движения Южной Руси выступает опять Киев и удерживает за собой это главенство почти до половины XVIII в. Здесь возникают в 1615 г. братская школа и типография при Печерском монастыре, который вмещает в своих стенах ряд талантливых и трудолюбивых людей, как Елисей Плетенецкий, усидчивый переводчик с греческого разных святоотеческих творений, и Захария Копыстенский, ученый догматист («Книга о вере»), переводчик и исправитель чужих переводов и, главное, автор «Палинодии», монументального полемического сочинения против унии, которое можно смело назвать суммой и венцом всей южнорусской антиуниатской полемики. В свое время это сочинение не попало в печать и не имело такого влияния, какое могло бы иметь. Оно свидетельствует о громадной эрудиции и строго логическом мышлении автора, написано очень легко, живо и увлекательно, окрашено кое-где южнорусским юмором и оживлено искренним патриотизмом.

К Печерскому монастырю и его кругу примыкают Иов Борецкий, митрополит, один из авторов полемического сочинения против Смотрицкого, Кальнофойский, автор книги о чудесах Печерского монастыря («Teraturgema»), и Сильвестр Коссов, впоследствии митрополит, переводчик и первый издатель Печерского Патерика.

Петр Могила (см. XXIII, 484) [10] вносит небывалое оживление в церковную и умственную жизнь всего народа. Главное дело его жизни — основание Киево-Могилянской коллегии, которая должна была сделаться забралом православия и южнорусской национальности, пользуясь тем же оружием, каким велись на них нападения со стороны врагов — наукой и просвещением. Могила кладет начало реорганизации православной церкви, заботится о печатании литургических книг, сам под псевдонимом Евсевия Пими́на сочиняет полемическую книгу «Лифос» (1642) [11] против нападений Саковича и издает много других книг, в том числе замечательную энциклопедию нравственных и житейских поучений «Анфологию» (1636 г.; первое русское издание богато иллюстрированное). Последующие события не дали надлежащего роста семенам, брошенным его рукой. Не прошло года после его смерти, как в Южной Руси вспыхнуло восстание Хмельницкого, произведшее глубокие изменения во всем жизненном строе Украины.

В XVI в. расцвет польской литературы захватил в свое течение и многих южноруссов. Появляются переводимые с польского сборники рассказов вроде «Римских деяний», «Семи мудрецов», «Трех королей» и «Большого зеркала». Появляются рифмованные памфлеты на текущие события, как утраченные вирши Смотрицкого от 1598 г. против реформы календаря («Вирши на отступников»), как «Лямент» по поводу избиения православных в Остроге в 1622 г. [12] или другой «Лямент людей побожных» от 1638 г. Появляются назидательные и забавные диалоги (души с телом, православного с униатом, Банкет духовный), начатки религиозной драмы, вер-

тепа, интермедии, как «Разговоры» львовского учителя при ставропигийской школе Иоаникия Волковича (1630, 1631), интермедии поляка Гаватовича (1619).

Параллельно с этим движением и среди вновь возникшего общественного военного класса — казачества — зарождается новая эпическая поэзия: дума. Наиболее давние свидетельства о существовании в Южной Руси песен, названных думами, мы имеем с начала XV стол[етия], но тексты дум от XV и XVI стол[етия] до нас не дошли. Самое название этих песен — сербское (дума — слово, рассказ); свидетельства о похождениях сербских певцов и музыкантов по Южной Руси и Польше делают правдоподобною догадку, что в то время думами назывались песни, своей формой и содержанием подобные той южнорусской песне, что напечатана как образец южнорусского языка 1585 г. [13] в грамматике словинца Богорича, и сходным с ней в отношении формы песням о казаке Байде и о взятии казаками Варны. Только в первой половине XVII в. казацкая эпика, под влиянием южнорусских книжных виршей, выливается в ту оригинальную форму, какую видим в думах об Алексее Поповиче, о бегстве трех братьев из Азова, о Самойле Кишке, о Марусе Богуславке. Внутренние и внешние свидетельства заставляют нас отнести составление этих замечательных дум к первой половине XVII в. Кроме дум слагались тогда же в казацких таборах и другие песни, более лирического склада; в этом убеждает нас песня о казаке, увезшем крестьянскую девушку в свои степи (напечатана в 1625 г. в одной польской брошюре).

Народное, восстание против польского владычества, вспыхнувшее в 1648 г., повлекло за собой ряд упорных и кровопролитных войн, следствием которых было разорвание Украины на левобережную, примкнувшую к Московскому государству, и правобережную, оставшуюся частью при Польше, частью при Турции. Эта политическая эволюция сопровождалась более глубокой общественной и национальной.

ARCTOS

CÆLI ROSSIACI,
IN GENTILITIBUS SYDERIBVS

ILLVSTRISSIMI AC REVERENDISSIMI PATRIS.

P: BARLAAMI IASINSKI,

Primùm emeritissimè Rectoris Collegij Kijou-Mohilzani,
dein dignissimè Præsidis, Genobij S: Nicolai Pustynio-Kijouit:
candè celeberrimi Archimâdritæ S: Lauræ Kijou-Pieczarietis,
ad extremum cõcordi omnium suffragio, totiusq: Kossæ plausu,

KIIOVIENSIS HALICENSIS &c:

ORTHODOXÆ

ARCHIEPISCOPI
METROPOLITÆ.

Ad auspiciatissimæ eius, solennis apothecæ celebratè ingressû,
in CATHEDRAM METROPOLITANÆ KIIOVIENSIS,
intra communem Orbis Roxolani læticiam,

Sereno, vultu.

RESPLENDENS.

Applaudente sibi suâ alumna. Pall: de Kyou-Mohilzani: nec non hæreticis alumnis,
sui deurâssimè Clientis. Stephani L. vassiti. AA: LL: & Pb: M:

Anno Orbis incæptato Lumine illustrati 1690.

Титульный лист панегирика Стефана Яворского
«Arctos caeli rossiaci» (Киев, 1690)

Правобережная Украина многократно подвергалась ужасным опустошениям; почти все большие города пришли в упадок; население гибло или бежало в левобережную Украину, заселяя громадные степные пространства. Возникает Слободская Украина, в которой продолжают прежние просветительные и книжные традиции; с другой стороны, в правобережной Украине берут решительный перевес уния и польский элемент; украинская шляхта окончательно ополячивается, образованные украинцы говорят и пишут по-польски или по-латыни.

Только в далеких западных окраинах, в Карпатских горах и прилегающем к ним подгорье, хранится традиция Зизаниев и Ставровецких, живет письменность, ютящаяся в рукописных сборниках у деревенских попов и «даскалов», близкая к языку народа, запоздалая по своему содержанию, но все-таки сохраняющая традиции национального единства с Киевской и Заднепровской Украиной [14].

Киев в 1654 г. перешел к России и не пал жертвой последующей затем «руины». Насажденное здесь Могилой школьное обучение не прерывалось; во второй половине XVII стол[етия] Киев делается центром просвещения и письменности не только Украины, но и всей России. Киевские ученые переносят просвещение в Москву и дают начало новому ее умственному движению, завершившемуся реформами Петра Великого. Деятельность киевских ученых Епифания Славинецкого, Симеона Полоцкого, Стефана Яворского, Дмитрия Ростовского, Феофана Прокоповича принадлежит только меньшей частью Украине, хотя все они — воспитанники киевской школы, стремившейся довольно механически совместить латинско-иезуитские приемы обучения с православным содержанием. Это типически отражается на самом большом и самом популярном среди южных и северных руссов сочинении этой школы — на «Четьих-минях» Дмитрия Ростовского, писанных церковным языком на основании Макарьевских «Четьих-миней», с одной, и иезуитских «Acta

Sanctorum» и даже Скаргиных «Zywotów Świętych» с другой стороны.

Киевская ученость второй половины XVII в. не сослужила той службы, какой могло ожидать от нее общество. Запоздавшая и по методу, и по содержанию, она была слишком шаблонная и оторванная от жизни, слишком теологическая и схоластическая. Иннокентий Гизель, уснастивший свой «Синописис» (1674) рассказами о привилегиях, данных славянам Александром Македонским, о сарматах, о Мосохе, о создании Киева и т.п., не упоминает ни одним словом о Хмельницком и о событиях 1648–1654 годов.

Самые талантливые и плодотворные ю[жнорусские] писатели того времени Лазарь Баранович и Иоанникий Галатовский пишут большую часть своих сочинений по-польски и вращаются исключительно в круге проповедей, житий святых или церковной полемики. Отлив самых талантливых и энергичных людей из Южной Руси на север вызвал опять, как и в XIV стол[етии], оскудение сил и измельчение идей и характеров. Только в Червонной Руси еще мелькает энергичная фигура епископа Иосифа Шумлянського, но он больше похож на итальянского кондотьера XV в., чем на православного иерарха. Его «Метрика» и его «дума» о походе под Вену в 1683 г. не лишены, однако, литературного интереса.

Школьная драма, заимствованная киевской коллегией с Запада, одна только произвела в ю[жнорусской] литературе некоторые жизнеспособные ростки. Первые известные нам ее опыты (об Алексее, человеке Божиим) очень невысокого качества; немногим выше и более поздний «Владимир», и ценная разве как проявление довольно туманного ю[жнорусского] патриотизма драма «Милость Божия», воспевающая (почти 50 лет спустя после событий) освобождение Южной Руси Богданом Хмельницким. Киевская школьная драма ценна для нас своими интермедиями, без претензий, но живо изображающими сцены из тогдашнего быта. Особенно интересны интер-

меди Митрофана Довгалевого и Варлаама Лашевского. Благодаря именно интермедиям школьная драма привилась не только в Украине, но и в Москве, и в Ростове, и в Иркутске, и в Новом Саде на юге Венгрии, где в половине XVIII в. один из воспитанников киевской школы, Михаил Козачинский, насаждаєт «славяно-сербское» просвещение и пишет по образцу киевскому первую драму из сербской истории.

Почти совершенно независимо от киевской школы стоит украинская историография. Можно удивляться скудости украинских исторических записок и мемуаров, оставленных нам богатыми событиями XVII-м стол[етием]; начало, сделанное в этом отношении Евлашевым еще в XVI стол[етии], не нашло продолжателей.

Первая половина XVII в., так много создавшая полемических и аскетических сочинений, не произвела в историографии ничего, кроме ряда кратких летописей с погодными записями происшествий (летописи Львовская, Черниговская, Густынская, так называемая Достоверная, так называемая Боркулабовская, Добромильская и т. п.). Такие записи продолжались и позже (Солотвинская летопись, записки разных монастырей, напр[имер], Мгарского, Плесниского).

Более обширные воспоминания о событиях до и после 1648 г. писались даже южноруссами по-польски (Ерлич). Только в конце XVII и первой половине XVIII вв. возникает на левом берегу Днепра ряд более обширных исторических сочинений, начиная с компиляции Боболинского до объемистых трудов Самойла Величка, более самостоятельного и навеянного горячей любовью к Украине повествования Самовидца и летописи Грабянки. За этими летописателями героических времен казачества идут мемуаристы Ханенко, Маркевич [15] и др., изображающие процесс постепенной ассимиляции украинской казацкой старшины с великорусским после-Петровским дворянством. Записки Винского (конец

XVIII в.) показывают этот процесс почти уже законченным. —

К влиянию школьной драмы нужно отнести ежели не возникновение, то по крайней мере развитие двух родов литературы, характерных для Южной Руси конца XVII и XVIII в. — духовных кантов и так назыв[аемых] виршей.

Духовные песни (канты — ежели пелись в унисон, концерты — ежели исполнялись полифонически) составляли интегральную часть духовной драмы, но распевались (сперва школьниками, позже мещанами, дьячками и т. п.) и независимо от драмы. В других местах, напр[имер], на крайнем западе Червонной Руси, под влиянием соседства поляков и словаков, такие канты возникали и вовсе независимо от драмы и распевались в церквях или во время хождений на богомолье.

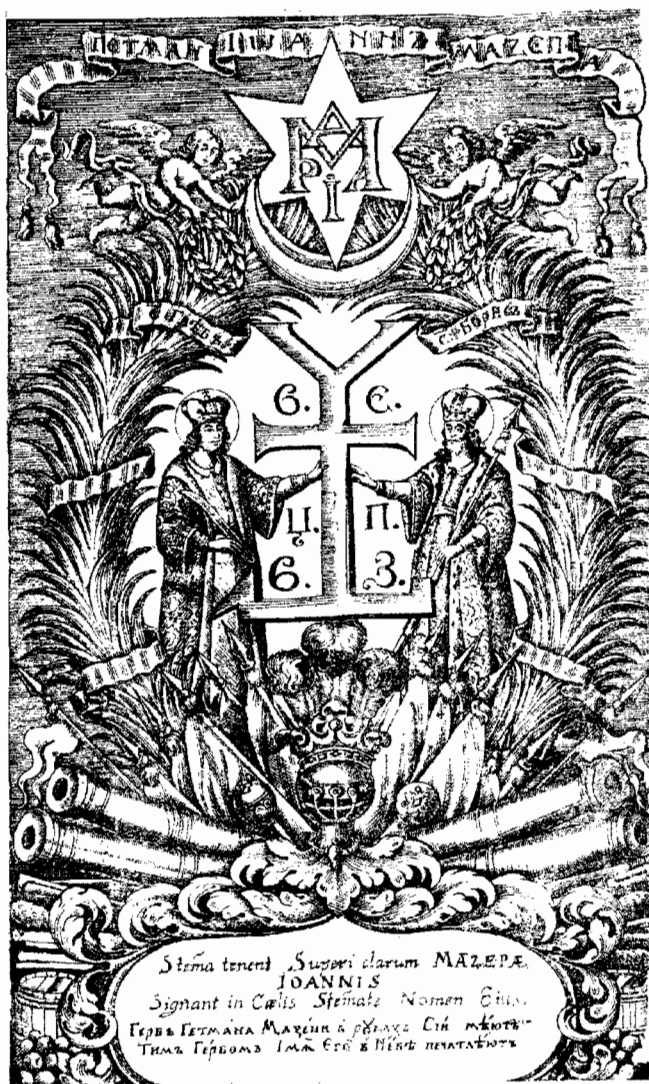
Первые известные нам рукописные сборники кантов возникают в конце XVII и начале XVIII вв.; в 1790 г. вышло первое печатное издание некоторых из них под загл[авием] «Богогласник». Выбор был сделан униатами базилианами с известной целью: редакторы ввели в книгу значительное число польских и латинских духовных песен, а редактируя русские их тексты сокращали их, переделывали и старались изгладить следы православного происхождения многих песен. «Богогласник», несмотря на это, сделался очень популярным и имел в продолжение XIX века более десятка полных или частичных изданий в России и Галиции.

Интермедии, внося юмористический элемент в строго серьезное действие драмы, содействовали развитию веселых рассказов и «ораций» на темы духовные и мирские, исторические и бытовые. Некоторые из этих виршей были просто сокращением старинных драм (напр[имер], вирши о сошествии Христа в ад); другие, в форме диалогов, излагали новые житейские потребности и столкновения («Разговор Малороссии с Великороссиею»); третьи разрабатывали бродячие новеллистические сюжеты (вирша о попе Негребецком) или апокри-

фические темы (о путешествии Марка в ад), или, наконец, рисовали картинки ежедневного быта (Вакула Чмыр). Пользуясь значительной популярностью, они имели влияние на тогдашних ю[жнорусских] стихотворцев в роде Климентия Зиновьева или Некрашевича и, что важнее, подготовили литературные формы, нашедшие более высокое художественное развитие в новой украинской литературе.

Совершенно новым явлением в ю[жнорусской] литературе с точки зрения образования, ширины воззрений и глубины мыслей является мистик и моралист Сковорода (см. XXX, 217), [16] человек с европейским образованием, аскет, но вместе с тем жизнерадостный оптимист, требующий от жизни возможно малого и дающий ей взамен все. Как писатель он — дитя своего времени и вращается в его формах, пишет вирши и песни довольно неуклюжим книжным языком, диалоги и трактаты, напоминающие иногда тон Вишенского; как автор «Харьковских басен», он является предтечей Крылова и Гребенки. Его проповедь жизнерадостной гуманности имела влияние на возродителей новой украинской литературы Котляревского и Квитку.

В народной словесности, в массовом песенном творчестве XVIII-ый век также составляет важный момент. Украинский народ, после ужасных треволнений XVII века, начинает жить более спокойной, упорядоченной, хотя далеко не розовой жизнью. Цена человеческой жизни повышается, личность начинает чувствовать себя и стремиться к самовыражению. Героическая эпоха отходит в мир традиции; на смену национальному эпосу — думе — выступает народная лирика, достигающая особенно в женских песнях, высокой степени красоты и задушевности. Политическое самосознание народа постепенно затемняется, но за то тем ярче вырабатывается классовое (песни чумацкие, рекрутские, бурлацкие) и индивидуальное чувство.

Титульный лист книги «Зерцало от Писания Божественного»
(Чернигов, 1705)

IV. Новая украинская литература.

Конец XVIII стол[етия] ознаменован рядом событий, изменивших весь жизненный строй Южной Руси. Исчезает польское государство; правобережная Украина соединяется с левобережной под одним русским скипетром; самая западная часть ю[жнорусской] земли отходит к Австрии.

На всей ю[жнорусской] территории дает себя чувствовать просветительное движение, могущественной волной хлынувшее с Запада; возникают школы, семинарии, гимназии, университеты, основанные уже не на старых схоластических, но на новых научных началах. Пробуждается стремление к уравниванию прав и обязанностей граждан, к упразднению крепостного права. Рядом с этим идет коренное изменение экономических отношений, рост индустриализма и капитализма, учащение экономических кризисов.

Падение Польши вызвало сильное брожение в Южной Руси. Старый взгляд, что национальность — это государство, должен был рушиться; у поляков в правобережной Украине он видоизменяется в том смысле, что национальность — это шляхта, пока ряд бесплодных восстаний и агитаций с одной стороны и возникновение украинской, преимущественно крестьянской и хлопоманской литературы и упразднение крепостного права — с другой, не наносят этому взгляду смертельного удара.

Уже в начале XIX в., под влиянием Макферсонова «Оссиана», Гердеровых «Идей» и первых шагов славянского возрождения, зарождается сознательное стремление воссоздания украинской национальности посредством исследования украинской истории и народной традиции. Это стремление идет на встречу не погасшим еще мечтаниям украинского дворянства об автономии страны.

1.
И Оливінкія Новакови 1790. Года. Септѣвр. 26. го.

Влюбленный паге свѣ Человѣкъ, Михаилъ!
Миръ тебѣ, Муже Божественный Желѣній!

Мати моя, Малороссія: и Тѣтка моя, Украина: посылаютъ
тебѣ в Дар: малоросскую мою Дщеръ Авдѣю: Икону Аи-
кѣвѣдскую. Прійми Ея: и яко Дѣд, наследуйся Ея.
Она не Лице: но Сердце^и Красавица: и вся Слава Ея, вънутрь Ея.
С нею бесѣдуй: бесѣдуй со мною. Сердце мое в ней: а Ея во мнѣ.
Она породитъ тебѣ Единаго тогѣю Сына: иже естъ Исаа Назаро.
Въ сей Анисимѣрникъ, и Спасто-Огесникъ, ругали насмѣхаютъ Бѣною
и Буйною. Азъ же те, дождѣ Юношу: нѣко дѣе добротѣхъ на Мужа
по Сердцу моихъ. Вся моя Душа, твоя естъ: и твоя, моя.
Вотъ Единостъ! Любовь! Дружба!...
Писмо сокращу. Не удерживаю отъ Бесѣды с Дѣвою Ехою. Мою
Прилишу: воспитаную мною в Харьковѣ Харьковъ Пѣсенку в Ло-
бустѣ.

Oratio ad Deum,
in Urbe Zacharopolim:
Ex hoc Zachariae Propheta grano:
* 7. hi sunt Oculi Domini ...

Zacharias Oculos septē tibi praedicat epe.
Septimę e Oculis: Zachariana Polis.
His Oculis septē, Tu solus, Chrite, Pupilla.
Caci sunt Oculi: Quando Pupilla latet.
O reclude tuos in Cam, miseratz, Ocellos!
Sic Sol vernus erit: Zachariana Polis.

Cin Ott

Автограф письма Григория Сковороды 1790 г.

Почти одновременно делается первая запись казацких дум (1808) и пишется талантливый политический памфлет «История руссов», выдававшийся за сочинение Георгия Конисского, но написанный, как доказали новые исследования, В.Г. Полетикой, бывшим украинским депутатом в Екатерининскую комиссию. 1798-ой год считается началом новой украинской литературы: в этом году вышла первая часть «Перелицованной Энеиды» И.П. Котляревского (XVI, 442) [17]. Теперь известно, что Котляревский для своей поэмы воспользовался готовой канвой и даже стихотворной формой великорусской «Энеиды на изнанку» Осипова; но он внес в эту переделку столько сердечного тепла, тонкого юмора и живых красок своей родины, что его «Энеида», особенно ее первая половина, и до сих пор не потеряла своей прелести.

В «Энеиде» Котляревский является до известной степени продолжателем и художественным усовершенствователем украинских виршей XVIII в. (его «Ода до князя Куракина» примыкает к ним еще ближе); в своих драматических опытах — «Наталке Полтавке», особенно в «Москале-чаривнике» — он продолжает, по крайней мере в юмористических ролях (Возного, Выборного и др.) традицию украинских интермедий. Но вместе с тем как в «Энеиде», так и в драмах Котляревский вносит и новое: безупречно чистый, народный и богатый язык, искреннюю любовь к родине и особенно к ее рабочему, слишком часто унижаемому и оскорбляемому населению. Этот глубокий гуманизм, которого первым глашатаем был Сковорода, делается основанием всех лучших сочинений украинской литературы XIX в. Почти полстолетия она разыгрывает разные вариации преимущественно на двух струнах: юмористической и патетически-сентиментальной.

Юмористический тон заимствует у Котляревского П. Гулак-Артемовский, не сумевший, однако, держаться на идейной высоте Котляревского; довольно неудачно пробует этот тон в своих «Наських украинских казках» Иосиф Бодян-

ский, впоследствии нашедший свое настоящее призвание на совсем другом поприще.

Юмористический тон, державшийся у Котляревского всегда в границах художественного такта, доходящий иногда до шаржа у Гулака-Артемовского, превращается в какое-то юродство у более поздних подражателей, как Писаревский, Билецкий-Носенко, Кореницкий и др., не обладавших, притом, ни талантом, ни широкими взглядами Котляревского.

В 30-х годах выдвигается на первый план симпатичная фигура Григория Квитки-Основьяненка (XIX, 880) [18], первого украинского новеллиста-бытописателя. И у него, как у Котляревского, юмор соединяется с патетической чувствительностью, которая, однако, не доходит нигде до приторности и всегда искренняя. Его «Украинские рассказы», иногда довольно наивные, до сих пор не потеряли своего значения, благодаря не только прекрасному мелодическому языку, но и широкому знакомству автора с бытом народа, множеству интересных этнографических наблюдений и, главное, теплomu чувству любви и жизнерадостности, каким они навеяны. Юмористический рассказ «Конотопська видьма» дает замечательную картину «гетьманских» порядков из времени их доживания в половине XVIII в.; фигуры конотопского сотника и особенно его писаря Пистряка являются почти историческими документами. Менее счастлив был он в своих драматических опытах, хотя и здесь «Сватання на Гончаривці» — значительный шаг вперед сравнительно с грубым комизмом и незатейливыми интригами прежних интермедий.

С 1818 года идет издание замечательных произведений украинской народной поэзии (сборники кн. Цертелева, Лукашевича, Максимовича); дилетантские, но руководимые непритворным энтузиазмом усилия поляка Зориана Доленги Ходаковского обращают внимание на богатую археологию Украины; поэты польской «украинской школы» с политическими целями стараются оживить и среди польской шляхты, и

среди народа казачьи традиции; один из них, Падурра, не только старается писать по-украински, но предпринимает в 1828 г. путешествие в места бывшей сечи Запорожской и на левый берег Днепра с целью пропаганды казачьих и вместе с тем полонофильских идей.

В то же время Украина дает и русской литературе ряд замечательных деятелей, начиная с Богдановича и Капниста, Нарежного и Погорельского, кончая Гнедичем и гениальным Н.В. Гоголем, отец которого, автор нескольких утраченных и одной уцелевшей украинской комедии, принадлежит к современникам и подражателям Котляревского. Все эти украинцы оказывают значительное влияние на великорусскую литературу и в свою очередь содействуют развитию среди украинцев гуманных, прогрессивных идей.

Некоторые великорусские писатели пользуются украинскими сюжетами для выражения таких же свободолюбивых и гуманных идей (Рылеев — в «Исповеди Наливайки» и «Войнаровском»; Пушкин — в «Полтаве»).

В 1840-х годах выступает на сцену Шевченко (см. XXXIX, 355) [19], уроженец правобережной Украины и специально того ее уголка, где в 1768 г. разыгралось «последнее историческое событие старой Украины» — уманская резня. Он вынес на себе все невзгоды неприглядного сиротства под крестьянской стрехой, узнал польский элемент в самых его центрах — Вильне и Варшаве и вздохнул свободнее только среди русского общества и своих земляков в Петербурге.

В украинскую поэзию он сразу вносит то, чего в ней до тех пор не было — страсть, огонь, увлекательность, какую-то элементарную силу; Это уже не идиллическая беззаботность казаков Богдана Залесного, не мелодраматическая демоничность гайдамаков Гоцинского, даже не тихая меланхолия Кольцова, — это живой человек с богатым душевным содержанием, живая энергичная натура, для которой поэзия не игрушка, не рисовка, но естественное и простое выражение чув-

ства, как пение для птицы. Гамма его тонов широкая: он тоскует, падает духом и поднимается, способен к гневу и угрозам и вместе с тем к самым мягким и нежным чувствам; он мечтатель и вместе с тем очень чуток к запросам действительности; он весел, но совсем без юмористической жилки, патетичен, но без тени театральности; он везде прост и искренен. Неудивительно, что его поэзия сразу поразила его земляков как какое-то откровение, тем более, что и внешняя форма ее была вполне национальна, а язык, при всей своей неизысканности образный, мелодический и колоритный, блестел всеми красотами родной речи.

Его талант, особенно после поездки в Украину в 1843 г., крепнет и прокладывает себе новые пути; его мысль делается сильной и смелой; в прошлом и настоящем Украины она доискивается основных социальных явлений и человеческих отношений. С неслыханной в то время смелостью он указывает изнанку того, чем восхищались тогдашние «патриоты» в прошлом и настоящем Украины и России.

В то же время выступают еще два замечательные и талантливые деятеля украинской литературы — П.А. Кулиш (XVI, 959) [20] и Н.И. Костомаров (XVI, 401) [21]. Многосторонняя и плодovitая деятельность их принадлежит в значительной мере русской литературе и науке, хотя родная Украина, ее прошлое и нужды ее настоящего являются главным средоточием их интересов и работ. Усидчивый и энергичный работник, собиратель самого разнообразного материала, притом натура страстная и самоуверенная, Кулиш был как бы маховым колесом машины, которое само не создает движения, но раз созданному дает равномерность и силу. Без творческой силы, какой обладали, напр[имер], Пушкин, Гоголь или Шевченко, Кулиш всю жизнь искал новых дорог, сгорал страстью сказать какое-то великое слово. В данный момент твердо уверенный в правоте своего суждения, он тем не менее вскоре отвергал его, чтобы опять с такой же самоуверенностью от-

стаивать какое-нибудь другое. Эти колебания составляли трагедию его жизни, но вносили фермент в литературную жизнь Украины; в критических произведениях Кулиша, при многих несправедливых и односторонних суждениях, затрагивались верные и глубокие мысли, не падавшие даром на украинскую почву.

Совсем другого склада человек был Костомаров: натура спокойная и уравновешенная, с солидной научной подготовкой, какой не было у Кулиша, он рано попал в свою настоящую колею, сделался историком Украины и последовательно всю свою жизнь работал над выполнением плана, намеченного еще в 40-ые годы — дать своим современникам полный курс истории Украины в цельном освещении, как истории народа, стремящегося к федеративному, автономному устройству.

Из менее влиятельных, но все-таки талантливых работников, прежде всего следует упомянуть Евгения Гребенку, инициатора освобождения Шевченка от крепостного состояния, автора посредственных русских рассказов, вылившего всю свою поэтическую душу и любовь к Украине в нескольких прекрасных лирических пьесах и в двух десятках басен, написанных по-украински («Малороссийские приказки», 1834, 1836, 1841). Гребенка шел путем, проложенным в русской литературе Крыловым, но шел довольно самостоятельно, не подражая Крылову, внося в свои басни украинский пейзаж и мировоззрения украинского мужика. Его сатира не широкая и не едкая, хотя далеко не без-идейная, юмор свободный и далекий от шаржа, язык прекрасный.

Амвросий Метлинский, автор удачных стихотворений («Думки и песни», «Сиритка», «Глек») издал замечательный «Южный русский сборник» (1848), где спасены от забвения сочинения нескольких украинских поэтов того времени. Афанасьев Чужбинский написал несколько прекрасных лирических пьес («Скажи мени правду, мій любий козаче», послание к Шевченку — «Гарно твоя кобза грає»).

1863
7.57

3337

Михаил Макаровский, автор поэм «Наталя» (подражание «Герману и Доротее» Гете) и «Гарасько» (переделка «Кавказского пленника» Пушкина). Более оригинален, но не свободен от шаржа, Стефан Александровский, автор поэмы «Вовкулака».

Об общем подъеме духа среди украинской молодежи того времени, о серьезной идейной работе среди нее всего лучше свидетельствует основанный в Киеве в 1846 г. кружок «Кирилло-Мефодиевское братство», ставивший для литературной и научной работы украинцев широкие общественные и политические цели. Инициатором этого кружка был Костомаров; Шевченко сделался самым горячим глашатаем его идей и облек славянскую программу кружка в памятные слова: «Щоб уси славяне стали добрими братами і синами сонця правды».

Разгром Кирилло-Мефодиевского братства и сопровождавшие его полицейские меры против многих украинцев значительно ослабили едва зарождавшееся литературное движение. Начинается антракт в истории украинской литературы. Только с 1854 г. появляются признаки нового оживления, а с возвращением из ссылки главных членов «Кирилло-Мефодиевского братства», Кулиша и Костомарова, открывается новый период усиленного движения. Прежде, чем говорить об этом периоде, нужно бросить беглый взгляд на общественное, национальное и литературное развитие тех частей Южной Руси, которые при разделе Польши отошли к Австрии.

С одной частью южнорусского племени — с русинами, или руснаками, жившими по ту сторону Карпат, в Марамороше и сев[еро]-вост[очной] Венгрии, — Австрия имела дело уже давно, с тех пор как Венгрия вошла в состав государства Габсбургов. Судьба этих угро-русов была, в общем, незавидна (см. Угорская Русь. XXXIV, 557) [22]. Только в конце XVIII в. начинается между ними усиленная научная и просветительная деятельность.

КОБЗАРЬ

Т. ШЕВЧЕНКА.

ОДНОВИДНОГО.

1840.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Е. ФИШЕРА.

*Титульный лист первого издания книги «Кобзарь»
Тараса Шевченко*

Мукачевский епископ Андрей Бачинский (1772–1809) собирает вокруг себя значительное число ученых, содействует распространению грамотности и просвещения среди простого народа, печатанию книг и учебников. Из его сотрудников наиболее известен Иоанникий Базилевич, автор книги «*Brevis notitia foundationis Theodori Korjatovics*» (Cassoviae, 1779); на родному просвещению содействовали также Иоанн Кутка, автор популярного и до сих пор катехизиса (1803), инспектор Димитрий Попович, составивший тщательную опись более 300 посещенных им народных школ, свящ[енник] Иоанн Пастелий, автор многих исторических записок и очень популярной сатиры на попа. Сам епископ Бачинский оставил в рукописи интересные записки, основал в Мукачеве духовную семинарию и собрал для нее библиотеку старопечатных и рукописных книг, состоявшую из 9000 томов.

В это именно время к Австрии была присоединена часть Польши, под названием королевства Галиции и Лодомерии. Страна эта под польской безурядицей была экономически неразвита, без признаков умственной жизни. Для образования духовенства имелось несколько монастырских школ, для дворянства — четыре гимназии, из коих три содержались иезуитами, а одна базилианами. Все эти школы были латинопольского типа.

Для массы русинского населения не было сделано ничего; от братских школ уцелели только слабые остатки. Униатское белое духовенство было крайне невежественно и забито; ополченные базилиане ревниво оберегали за своим орденом привилегию замещать все посты церковной иерархии и вместе с тем привилегию более высокого образования. Австрия смотрела на Галицию прежде всего как на предмет эксплуатации. В страну нахлынула масса немецких чиновников, мечтавшая только о скорой наживе. Мария Терезия по собственной инициативе основала в Вене, в 1774 г., генеральную духовную семинарию для греческого вероисповедания, где на казенные

средства должны были воспитываться молодые люди из венгерской и Галицкой Руси. Иосиф II основал в 1783 г. духовную семинарию во Львове, которая в 1785 г. была переустроена в генеральную семинарию для всех униатов Австрии (значит, также для венгерских русин, семиградских румын и хорватов).

В том же году был основан львовский университет, немецкий, но уже в 1787 г. император велел на богословском факультете читать для русинских кандидатов все лекции по философии и богословию на южнорусском, «отечественном» их языке. Среди лекторов были два угрорусса: Петр Лодий и Иван Земанчик.

С 1797 г. «русский институт» начинает клониться к падению; в 1808 г. преподавание на русском языке прекращается совершенно. Главной причиной неудачи была мертвенность и схоластичность преподавания, зависевшая не от лекторов, а от правительства, которое предписывало, какой книгой должен был руководиться лектор всякого предмета.

С окончанием Наполеоновских войн начинается новое движение и в Галиции. Во Львове университет, закрытый в 1805 г., открывается вновь в 1818 г.; правительство начинает заботиться о начальном и среднем образовании; возникают гимназии и так называемые нормальные (4-классные) школы в городах — конечно немецкие. Управление народных училищ во всей Галиции отдается в руки духовенства.

С 1816 г. русинское духовенство начинает усиленную агитацию за основание народных училищ. Душой этой агитации был священник Иоанн Могильницкий. Еще в 1816 г. он пытался, при содействии епископа Михаила Левицкого, основать научно-просветительное общество с целью образования простого народа. Это общество, хотя одобренное правительством, не вошло в жизнь вследствие интриг поляков и базилиан, оклеветавших его инициаторов в Риме.

Впоследствии, когда правительство, уступая требованиям поляков, захотело в народных школах совсем упразднить русинский язык и книги, печатанные русскими буквами, на том основании, что «русинский язык — наречие польского», Могильницкий в пространном реферате доказал несостоятельность того взгляда. Сущность реферата была им впоследствии обработана как первая в Галиции грамматика русинского (южнорусского) языка; эта грамматика осталась ненапечатанной, и только краткое изложение ее появилось в 1829 г. в польском переводе.

Со времени перехода Галиции под власть Австрии, не смотря на официальную германизацию, не смотря даже на некоторую поддержку правительства русинскому элементу, полонизм сделал громадные успехи среди русинской интеллигенции. Зажиточное мещанство, много мелких помещиков, которые около 1772 г. еще считали себя русинами и употребляли русинский разговорный язык, теперь окончательно ополячились. Не только ополяченные издавна базилиане, не только епископы, назначавшиеся исключительно из польских шляхетских семейств, но и светское духовенство, городское и сельское, начало быстро ополячиваться, употреблять в домашнем разговоре польский язык и обращаться даже к простому народу с польскими проповедями. Даже сознательные русины следуют этому общему течению; один из лекторов «русинского университета», Михаил Гарасевич, издает (1777–78) [23] польский журнал «*Dziennik patryotycznych polityków*» и пишет свои «*Annales ecclesiae ruthenae*» по-латыни; русинские клирошане Левинский и Бродович пишут свои мемуары, свидетельствующие о живом чувстве национальной обособленности от поляков, по-польски; львовский митрополит Ангелович защищает австрийское правительство против упреков в вероломстве на польском, немецком и французском языках, но с пастырскими посланиями к своей пастве обращается только по-польски; тот же язык употребляет и такой горячий

русинский патриот, как перемышльский епископ Иоанн Снегурский.

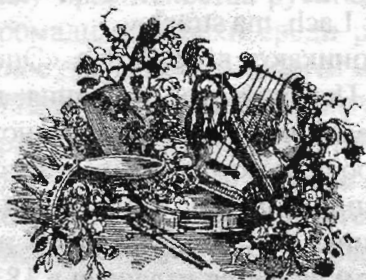
Причины этому: с одной стороны, зачаточное состояние русинской письменности и просвещения, при забвении старой литературы и при оторванности галицких русинов от общения с прочим русским миром; с другой стороны — обаяние польской революционно-демократической легенды (Костюшко, легионы) и новой польской литературы, пышно расцветавшей именно после падения польского государства.

Только с началом 30-х годов чувствуется новое веяние. Польское восстание 1830–31 г. встречает среди значительной части русинской интеллигенции глухую оппозицию, нашедшую литературное отражение в популярной тогда — польской! — песне: «Kto Lach, ma strach».

Из Украины проникают в Галицию «Энеида» Котляревского, грамматика Павловского, собрания народных песен Цертелева и Максимовича; эти книги, равно как и польские статьи Вороница, Бродзинского, Ходаковского, пробуждают и среди галицких русинов интерес к народной песне, языку, к древностям их родины. Результатом этого интереса и дальнейшим его стимулом является изданная в 1833 г. книга поляка Вацлава Залеского: «Piesni polskie i ruskie ludu galicyjskiego». Хотя тексты песен напечатаны здесь все латинским шрифтом, хотя песни русинские перемешаны с польскими, тем не менее русины могли с гордостью смотреть на это издание: оно не только открывало им красоту, образность и богатство родной речи, но показывало ясно, что народное творчество русинов несравненно богаче, разнообразнее такого же польского, которое Залеский нашел уместным подкрепить массой искусственных романсов, взятых из польской литературы XVIII–XIX в. Почти непосредственно после издания в свет этой книги начинаются первые проблески литературного возрождения галицких русинов.

ГАМАЛІЯ

Соч. Шевченки.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

въ типографіи М. Ольхина

1844

Титульный лист книги
Тараса Шевченко «Гамалія» (СПб, 1844)

В 1834 г. три воспитанника униатской духовной семинарии во Львове — Маркиан Шашкевич, Яков Головацкий и Иван Вагилевич — составили небольшой альманах «Зоря», содержащий, кроме стихов и прозаических статей их самих и нескольких их товарищей, небольшое собрание народных песен. Львовская цензура, в которую была отдана рукопись, задержала ее и запретила издание. Только в 1837 г. появился этот альманах, в переработанном виде, в Венгрии, под заглавием «Русалка Днистровая».

Издание по своему содержанию совершенно невинное: несколько стихов, несколько статей литературного и исторического содержания и интересная коллекция народных песен. В Галиции оно вызвало, однако, целую бурю. Авторы привлекли к ответственности, книжку запретили и держали под спудом до 1848 г. — и все это единственно потому, что издатели употребили в своих сочинениях чистый народный язык и для возможно точного его воспроизведения составили новое, фонетическое правописание.

Теперь трудно понять озлобление властей против авторов «Русалки Днистровой», длившееся многие годы и доведшее до того, что Шашкевич вскоре умер от истощения сил, а Вагилевич, бывший униатским священником, перешел в протестантство, стал искать скудного заработка у поляков и для русинской литературы погиб безвозвратно.

Самый талантливый из составителей «Русалки» Шашкевич умел, как говорит один из его сверстников, «зажигать в сердцах огонь, который угасает разве только в могиле». Это была натура мягкая и вместе с тем энергичная, цельная. Его далеко не первоклассное поэтическое дарование не успело развернуться, но для тогдашней галицко-русской среды он был дорог цельностью мировоззрения и беззаветной преданностью интересам родного народа. В вопросах, сюда относившихся, он не знал колебаний: народный язык, язык крестьян должен служить основанием литературы и просветительной деятель-

ности; литература и письменность должны прежде всего служить поднятию народа. В своих немногих поэтических произведениях Шашкевич иногда (напр[имер], в отрывке «Бандурист» и в поэтическом послании Н. Устиановичу) достигает значительной высоты вдохновения; то же нужно сказать и о его «Псалмах Руслановых», написанных поэтической прозой. Кроме современной ему украинской поэзии, он вдохновлялся также польскими поэтами украинской школы и Колларовой «Дщерью Славы». Сделавшись сельским священником, он предпринял ряд работ научно-просветительного характера, как, напр[имер], перевод евангелия на народный язык и составление «Читанки» (хрестоматии) для начальных школ.

Почти одновременно с Шашкевичем начали свою деятельность еще два замечательных работника: Иосиф Лозинский, издавший в 1835 г. ценную книжку «*Ruskoje wesilje*», содержащую свод описаний свадебных обрядов и свадебных песен из разных местностей Галицкой Руси, и Иосиф Левицкий, издавший в 1834 г. «*Grammatik der ruthenischen oder kleinrussischen Sprache*», с прибавлением небольшой хрестоматии произведений старой и новой ю[жнорусской] литературы. Они оба были ученики Добровского и Копитара, но их взгляды на южнорусский яз[ык] практически расходились.

Лозинский, увлеченный идеей славянской взаимности, обнародовал в 1835 г. [24] проект замены употреблявшейся русинами в Галиции кириллицы и гражданки латинским шрифтом. Против этого проекта выступил М. Шашкевич с талантливо написанной брошюрой «*Azbuka i abecadło*» (1836), и Лозинский должен был отказаться от своей мысли, хотя и впоследствии выступал с проектом упрощения правописания (устранения твердого знака). К новому народническому движению 60-х годов он не примкнул и последние свои сочинения писал обычным для галицких «староруссов» язычем (смесью церковно-славянского, южнорусского и великорусского языка). Иосиф Левицкий хотя и доказывал самостоя-

тельность южнорусского языка, но писал свои бездарные стихотворения ужасным церковно-славянским языком, а в 1843 г. опозорил свое имя одобрением в печати («Listy tyczące się piśmiennictwa ruskiego») варварских мероприятий администрации против «Русалки Днистровой».

В 40-х годах литературная деятельность Галицкой Руси была крайне скудна, цензурные условия просто невозможны. Административно-судебный погром, обрушившийся в годах 1838–41 на многочисленные польские революционные организации, рикошетом отразился и на русинах. Чиновники, мечтавшие о водворении в Галиции германизма, на всякую попытку русинов издавать что-нибудь на своем родном языке, имели только один ответ: «у нас столько хлопот с польским национальным движением, а эти безумцы хотят еще оживлять какую-то погребенную русинскую народность».

Все, что сколько-нибудь выходило из рамок первоначального школьного учебника, могло печататься только в Вене. Здесь друг Шашкевича, Яков Головацкий, издает в 1841 г. интересное собрание галицко-русских народных пословиц, а в 1846–47 г., с помощью своего брата Ивана — альманах «Венок Русинам на обжынки», где между прочим было напечатано собрание неизвестных прежде сочинений М. Шашкевича, а сам Головацкий дал замечательное собрание народных загадок, сказок и анекдотов и несколько исследований из области археологии и этнографии.

Жалкое состояние общественной и литературной жизни, в котором много виновата была и сама галицко-русская интеллигенция, в особенности иерархия, побудило Головацкого написать пламенную обличительную статью в Иордановом журнале «*Slavische Jahrbücher*» под заглавием «*Zustände der Russinen*» (1846). Это было самое смелое произведение галицкой публицистики до 1848 года; содержащая эту статью книга журнала была в Галиции немедленно запрещена. Получив как-то один печатный экземпляр ее, воспитанники львовской

духовной семинарии за одну ночь переписали полтораста экземпляров статьи; она разошлась всюду и открыла глаза тем, которые до тех пор не сознавали ужаса своего положения.

После революции 1848 г. парламентские выборы обнаружили глубокое недоверие русинского народа не только к шляхте, но и к духовенству; депутатами в учредительное собрание явились большею частью неграмотные или полуграмотные крестьяне.

Почти с первого же момента свободной жизни закипает ожесточенная борьба между поляками, мнившими себя полными хозяевами страны и воображавшими, что венская революция — первый шаг к восстановлению исторической Польши, и русинами, которые добивались равноправности для своей церкви и народности. Из антагонизма к полякам они искали опоры в правительстве, которое в свою очередь старалось найти для своих планов поддержку среди крестьян, преимущественно русинов, и их духовенства.

В 1848 г. положено начало галицко-русской периодической печати. К тому же году относится начало театральных спектаклей в Галицкой Руси, но первая труппа галицко-русская образовалась только в 60-ых годах.

Самым знаменательным фактом 1848 г. было созвание первого съезда галицко-русских деятелей (юмористически прозванного съездом ста галицких ученых), имевшего последствием основание научно-просветительного общества «Галицко-русская Матица», по образцу подобных «Матиц», чешской и хорватской. Это общество не оправдало возложенных на него надежд и не сыграло в развитии галицко-русского просвещения почти никакой роли. За ю[жнорусским] языком было признано первенствующее значение во всех школах восточной Галиции. Была основана кафедра ю[жнорусского] языка в львовском университете; профессором назначен Я. Головацкий.

ЧЕРНЕЦА.

У Києві нападати
було колись... ніколи.
Невероятно швидко й,
Невероятно швидко й,
Невероятно... а в дитинстві.
Таки буду ставити
Таки буду ставити
Таки буду ставити

У Києві наперед
Братських наша доля
Без злоби і без гни
Беза соди чужини
Розвернулася весна
Але мати моє жилах соди,
А вбога мати застала
І тільки не вбога.

У Києві наповном
Козаки гуляють.
Як ту воду зєбрали відрами
Вино козаки п'ють.

1848-ой год ознаменован появлением целой плеяды деятелей, которые, вместе с друзьями и сверстниками Шашкевича, дают тон всей галицко-русской письменности 50-х, а отчасти и 60-х годов. На литературное поприще выступает А.С. Петрушевич, талантливый и трудолюбивый автодидакт — филолог, историк и археолог. Его первое сочинение «*Slow kilka napisanych w obronie narodowosci ruskiej*» написано увлекательно и умно в защиту самостоятельности ю[жнорусского] народа; но по мере того, как эта идея у него затемняется и живая связь с родным народом слабеет, его сочинения делаются неудобочитаемыми из-за их мертвого, чудовищного, будто бы «прарусского» языка.

Талантливый публицист Б.А. Дидицкий издавал множество газет, составил популярную «Историю Руси», не критическую, но имевшую немалое влияние на молодежь 70-х годов, и был одно время (1860–70) самым популярным писателем Галицкой Руси; его ценили даже как поэта, хотя его стихи (поэмы «Буй Тур Всеволод», «Конюший» и множество мелких стихотворений) могут скорее умалить, чем увеличить его заслуги.

В том же 1848 г. Иван Наумович из рьяного польского патриота сделался русином; впоследствии он снискал славу «просветителя Галицкой Руси». И действительно, он немало способствовал пробуждению крестьянских масс, хотя, вместе с тем, сильно вредил своему делу бесхарактерностью и безыдейностью.

Иван Гушалеви́ч снискал славу «галицко-русского соловья» бездарным, но певучим стихотворением «Мир вам, братья, всем приносим»: оно долго было почти национальным гимном Галицкой Руси, не смотря на отсутствие в нем какой-нибудь идеи и кое-где даже смысла.

Из писателей, выступивших еще до 1848 г., но только после этого года издавших свои лучшие сочинения, назовем Николая Устиановича, которого рассказы: «Месть верховинця» и

«Страстный четвер» до 60-х годов считались лучшими образцами галицко-русской новеллистики; Антония Могильницкого, тяжеловатое стихотворение которого «Скит Манявский» должно было сделаться народной эпопеей Галицкой Руси, но не сделалось ею, несмотря на кой-какие интересные подробности; Рудольфа Моха, давшего в своей «Справе в селе Клекотыне» очень живую и пеструю, хотя и вульгарную картину жизни галицко-русской деревни во время барщины, с ее непроглядной темнотой и деморализацией.

Ростки живой письменности, почерпавшей свои соки из местной народной жизни, вскоре, однако, начали глохнуть. Водворившаяся в Австрии с 1849 г. бюрократическая реакция связывает более горячих деятелей по рукам и ногам. Вместе с тем в Галиции начинает получать перевес польский шляхетский элемент. Русины начинают сомневаться в своих силах. Бродившая уже кое-где и ранее идея о том, не лучше ли вместо разработки местного элемента в письменности и науке пользоваться готовыми письменностью, просвещением, наукой — великорусскими, в 50-х годах захватывает значительную часть галицко-русской интеллигенции и делается надолго тормозом ее развития, заставляя лучшие умы напрасно терять свои силы в стремлении к фантастической цели, между тем как насущные интересы народа настоятельно требовали энергических, способных и всей душой преданных им работников.

Среди галицко-русских писателей выдвигается на первый план Дионисий Зубрицкий, по своим воззрениям и традициям шляхтич-крепостник, приверженец абсолютизма и бюрократического шаблона, впрочем человек начитанный, заслуженный историк, писавший сначала по-польски («Rys dziejów narodu ruskiego», «Kronika miasta Lwowa», «Badania o drukarniach»), но потом, со времени своего знакомства с Погодиным, сделавшийся проповедником общерусского единства. Вокруг Зубрицкого группируются в 50-х годах все молодые силы галицких русинов; его влияние сказывается в постепен-

ном отдалении этих сил от местных интересов, от местного наречия, которое Зубрицкий презрительно называл «говором пастухов». Вместе с тем галицко-русские писатели теряют все то, что могло дать живую почву и свежее содержание их литературной деятельности (общественная деятельность под ферулой реакции была почти совсем невозможна).

Галицкие «общерусы» имели о России, ее литературе и языке самые фантастические представления. Они воображали, что южнорусский и великорусский языки — один язык, а различие лежит только в произношении некоторых букв; что довольно будет уснастить ю[жнорусскую] речь церковнославянскими формами и полонизмами, чтоб совсем близко подойти к языку Пушкина. Они преклонялись пред Пушкиным, но все-таки апогей русской поэзии видели в Хомякове и Аксакове, не признавали Гоголя (кроме «Тараса Бульбы», переведенного в 1852 г. на галицко-русское наречие), читали и перепечатывали совсем плохие сочинения каких-то неведомых великорусских писателей и, стараясь следовать таким образцам в своих собственных сочинениях, порождали нечто способное рассмешить самого угрюмого меланхолика.

Характерным признаком упадка была так наз[ываемая] «азбучная война» 1859 г. По инициативе ренегата из русинов Евсевия Черкавского и чиновника из чехов Иречка, галицийский губернатор Голуховский подал центральному правительству проект устранить в русинских книгах кириллицу и гражданку и заменить ее латинкой. Была назначена для этого особая комиссия, но среди русинского духовенства поднялась оживленная агитация против реформы и проект был оставлен без последствий. Азбучная война сильно взволновала умы русинской интеллигенции, а между тем польские шляхтичи всякими правдами и неправдами обирали крестьян при упразднении сервитутов, и среди русинов никто не протестовал против этого дела, надолго подорвавшего экономический быт крестьянства.

Нужен был внешний толчок, чтобы разбудить и освежить галицко-русскую жизнь. Такой толчок пришел из России, вступившей именно тогда на путь реформ. Император Александр II помиловал большинство участников «Кирилло-Мефодиевского братства». Костомаров получил место профессора в спб. университете; Кулиш основал в Петербурге типографию и начал усиленно печатать старые и новые произведения украинской литературы.

Появляются «Записки о Южной Руси», ценные не столько собранным в них этнографическим материалом, сколько тем чувством искренней любви автора к Украине, к ее народу и его языку, каким проникнута вся книга. Появляется «Чорна Рада» Кулиша, первый большой украинский роман, основанный на тщательном изучении истории и написанный прекрасным языком, но все-таки опоздавший на 10 лет; в 1846 г. он произвел бы гораздо большее впечатление, чем в 1857 г., в горячее, боевое время.

Из типографии Кулиша выходят сочинения Котляревского, украинские рассказы Квитки, прекрасные украинские рассказы Марко Вовчка, удостоенные Тургеневым перевода на русский язык. В этих рассказах, писанных Марией Маркович (русской по происхождению) при деятельном или даже, как полагают некоторые, главном участии ее мужа, Афанасия Марковича, одного из участников Кирилло-Мефодиевского братства, украинское слово впервые в легальной форме представило русскому миру язвы крепостного состояния и вместе с тем дало возможность читателям глубже заглянуть в душу крестьян. Здесь как будто говорил сам народ, и его речь, полная тихой меланхолии, поражала своей простотой, гуманностью и мелодичностью.

Украинские рассказы Марко Вовчка произвели сенсацию даже в русской литературе; в украинской литературе они и до сих пор считаются недостижимыми образцами языка, хотя

манера рассказчицы и способ воспроизведения жизни несколько устарели.

Последним из кирилло-мефодиянцев возвратился из ссылки Шевченко. Громадное большинство его новых стихотворений было нецензурно и не могло предстать перед более широкой публикой. Погром 1847 г. заставил даже более видных кирилло-мефодиянцев уйти в себя или совсем отказаться от политических мечтаний.

Когда в 1861 г. украинцы начали издание собственного журнала «Основа», он стал развивать не широкую и свободолюбивую программу Кирилло-Мефодиевского братства, а довольно тесную и для прогрессивных украинцев мало в то время интересную программу национального обособления Украины, без сведения счетов с назревавшими в ту пору жгучими вопросами русской общественной жизни. Научный дилетантизм и политическое доктринерство Кулиша были, кажется, главной помехой успеха журнала; Шевченко, авторитет которого мог служить противовесом Кулишу, умер в самом начале предприятия (в феврале 1861 г.), Костомаров не мог сладить с Кулишом — и вот журнал, на который вся Южная Русь возлагала большие надежды и который дал действительно много ценного, после двухлетнего существования прекратился не от злоключений, а от истощения сил, как раз в ту пору, когда против украинского литературного и общественного движения собирались грозные тучи.

В Украине, под влиянием общего оживления, вызванного эпохой реформ, росло между тем национальное сознание; сливаясь с прогрессивными европейскими идеями, оно порождало среди молодежи стремление сблизиться с простым народом и работать в его пользу. У менее зрелых умов это стремление иногда принимало несколько карикатурный характер: свое сближение с народом молодые люди проявляли прежде всего тем, что надевали крестьянский костюм, подражали крестьянским манерам.

Товародкни:

Кому вост в груди даи сердце и разумъ.
 и даи вродити в добруо разумъ,
 Твоя же въ лѣтомъ сохотѣи тебѣ
 Огнѣмъ мнѣ вѣду оубоу днѣмъ,
 и свѣтъ даи мнѣмъ и свѣдѣнъ мнѣмъ
 мнѣмъ вѣдѣи и сердечнѣмъ твое
 Даи же добротѣ мнѣмъ крѣпкѣ
 Днѣмъ за днѣмъ твѣмъ даи свѣдѣнъ.
 Кому вост в груди даи сердце и разумъ.
 и даи вродити в добруо разумъ,
 Твоя же въ лѣтомъ сохотѣи тебѣ
 Огнѣмъ мнѣ вѣду оубоу днѣмъ,
 и свѣтъ даи мнѣмъ и свѣдѣнъ мнѣмъ
 мнѣмъ вѣдѣи и сердечнѣмъ твое
 Даи же добротѣ мнѣмъ крѣпкѣ
 Днѣмъ за днѣмъ твѣмъ даи свѣдѣнъ.

В правобережной Украине это было прямым продолжением традиции польских так называемых балагулов конца 30-х и 40-х годов, и здесь же для этого явления возникло название «хлопомании».

В этом названии было нечто худшее, чем презрение польского шляхтича к мужицкому языку, костюму и манерам. Когда молодежь от формальных подражаний перешла к действительному труду на пользу украинского народа, когда в Полтаве, Киеве и других городах возникли воскресные школы, где «хлопоманы», кроме чтения и письма, начали преподавать народу основания родной истории, когда, вследствие запроса со стороны этих школ, начали появляться элементарные учебники на украинском языке («Букварь» Шевченка, «Граматка» Кулиша, «Щотныця» Конисского и т. п.), польские душевладельцы всполошились; им начали мерещиться «гайдамацкие ножи», и они, сами приготавливаясь уже к восстанию, поспешили обратиться к правительству с доносом на «хлопоманов», умышляющих якобы сепаратизм и социальную революцию.

Они добивались не только запрета невиннейшей «Граматики» Кулиша, но даже срытия могилы Шевченка, в которой будто бы, припрятаны ножи для близкой резни. Особенно сердило этих «охранителей» то, что среди польской молодежи многие увлеклись идеями прогресса и стояли против шляхты, а одна часть пошла еще дальше и требовала от украинских поляков обращения в украинцев и служения украинскому народу.

Начало этому положили два талантливые и беззаветно преданные своей идее юноши В.Б. Антонович и Ф. Рыльский, которые в «Основе» мотивировали свою «Исповедь» ко всеобщему ужасу украинских поляков. Среди более старого поколения украинских деятелей не было человека, который бы умел поддержать эти новые течения. Правда, запрос на элементарные книги был сочувственно встречен и Кулишем, и Костомаровым; первый сам составил несколько учебников (не

безупречных с педагогической точки зрения), второй обратился к публике с воззванием о собрании фонда для печатания таких книг.

Разные доносы и последовавшее затем польское восстание 1863 г. заставили правительство, из опасения «сепаратизма», запретить употребление украинского языка в народных школах, прекратить печатание украинских учебников и даже прибегнуть к арестам и ссылкам. Потерпели на этот раз Конисский, П. Чубинский и еще некоторые, сосланные в Архангельск, Вологду и т. п.

Это было началом второго антракта в истории украинской литературы, длившегося почти до 1870 г. Что сравнительно не очень грозные мероприятия правительства против украинофилов могли вызвать такой застой, какой мы видим в украинской литературе 1863–1870 гг. — это можно объяснить только слабохарактерностью вожаков движения и недостаточной разработкой основных его идей.

Стороженко, талантливый, но довольно безыдейный рассказчик, после 1862 г. почти совсем замолк и только в посмертных бумагах оставил попытку исторического рассказа: «Марко Проклятый» — попытку и в художественном, и в историческом отношении совсем невысокого качества.

К писателям, начавшим в «Основе» свою карьеру, принадлежит даровитый, но как-то зарывший свой талант Стефан Руданский, который при жизни успел напечатать только несколько лирических пьес, очень красивых и душевных, но после которого осталась в рукописях масса сочинений, в том числе необыкновенно богатая коллекция украинских народных рассказов и легенд, переданных им легкими и грациозными стихами, далее полный перевод чешской «Краледворской рукописи», «Слова о Полку Игореве», «Войны лягушек с мышами» и, наконец, «Илиады». Этот последний перевод хотя составлен короткими стихами, складом украинской народной песни, тем не менее представляется очень удачным и производит цельное впечатление.

Второй талантливый неудачник из кружка «Основы» — Анатолий Свидницкий, поместивший в «Основе» несколько интересных этнографических статей, но не успевший напечатать самое крупное свое сочинение: роман-хронику «Люборадски», прекрасно рисующее жизнь сельского духовенства Юго-Западного края и духовных училищ дореформенных времен. Из плеяды писателей, выступавших в «Основе», назовем еще Леонида Глибова, давшего украинской литературе ряд прелестных лирических пьес и книгу басен; Ганну Барвинок (Александру Кулиш, жену П.А. Кулиша), которая сначала в Кулишевом альманахе «Хата» (1859) [25], потом в «Основе» и впоследствии в разных изданиях поместила ряд прочувствованных рассказов, живописующих украинскую женщину, и снискала себе почетное имя как «поэт женского горя»; Даниила Мордовцева, выступившего в 1859 г. в «Саратовском Малорос[сийском] Сборнике» с поэмой «Казаки и море», давшего в «Основе» и в более поздних изданиях ряд поэтических рассказов и очерков по-украински, но достигшего бóльшей популярности историческими романами и очерками, написанными на русском языке.

Сам Кулиш выступал в «Основе» и как критик (слишком строгие суждения о Гоголе и Котляревском), и как историк, а после смерти Шевченка, возмечтав, что пришла его очередь сделаться «кобзарем» Украины, дал целый ряд эпических и лирических стихотворений, изданных особо под назв[анием] «Досвітки» и как будто нарочно составленных для того, чтобы доказать, что Кулиш — не Шевченко. Вскоре потом он еще более повредил себе в глазах всей передовой части русского общества, приняв сотрудничество в крайне шовинистичном журнале «Вестник Юго-Западной России» и содействуя системе казенного обрусения даже там, где оно явно шло в разрез с интересами коренного южно-русского населения. Это было, однако, временем его наибольшей популярности и наибольшего влияния в Галиции.

В Галиции 60-ые годы начались падением абсолютизма и введением краевого сейма. В сейм вошли в подавляющем большинстве польские шляхтичи; русины, при косвенном содействии правительства, получили не более 40 мандатов, причем умственный ценз у русинских депутатов (крестьян и священников) был несравненно ниже, чем у польских. Жгучий вопрос крестьянских сервитутов как-то сам собою срывался с уст ораторов. Поляки обвиняли русинское духовенство в подстрекательстве, подкрепляя свои обвинения фразами о коммунизме; когда же депутаты-священники начали отрешиваться от таких прегрешений, поляки пытались заключить с ними соглашение над головами депутатов-крестьян. Духовенство на это соглашение не пошло: в ответ на его оппозицию с польской стороны послышался в сейме голос графа Лешка Борковского: «*Tu nie ma Rusi*».

Этим был брошен вызов к борьбе, продолжающейся до сих пор. Она началась с того, что русины стали повсеместно вытеснять польский разговорный язык из своих домов и обществ, польскую книгу — из рук, польские и латинские налеты — из своего обряда. Так как борьбу вело главным образом духовенство, то неудивительно, что вопрос об очищении греко-униатского обряда заинтересовал его очень живо.

С легкой руки Ив. Наумовича начались в газетах длинные и в сущности бесплодные прения об обряде; с польской стороны очистителям брошен был укор в схизме; очистители начали оправдываться и вдаваться в теологические тонкости, упуская из вида самое существенное — попытки латинян оттянуть русинское духовенство разными приманками от служения своему народу. Это с поразительной ясностью показал безымянный автор польско-русинской драмы-сатиры «*Budiatyńce*», написанной в 1861 г., до сих пор остающейся в рукописи, но распространенной в многочисленных копиях.

Восстание 1863 года еще более усилило русино-польскую распрю. Поляки пытались перетягивать русинскую молодежь

и русинское духовенство на свою сторону, чтоб заручиться их содействием. Но идейное обаяние прежних польских восстаний было разрушено; русины, испробовав еще в 1848 году национальную нетерпимость поляков, ставили пассивный отпор их требованиям, а некоторые, как Остап Левицкий, шли еще далее и осмеивали в едкой сатире (Uciekiniery) новое восстание на восточно-галицкой почве, представлявшееся далеко не идейным и не серьезным.

В литературном отношении в начале 60-х годов видно тоже как будто оживление. В 1860 г. Б. Дидыцкий, при содействии почти всех наличных галицко-русских писателей, издает сборник «Зоря галицкая яко альбум» в честь епископа Гр. Яхимовича; за исключением ценных исторических материалов, это было, однако, как бы подведением итога всем ошибкам, какие сделала Галицкая Русь в 50-х годах. Сам Дидыцкий понял, что в этом направлении идти далее некуда. Начав в том же 1860 г. издавать политическую газету «Слово», он пригласил к себе в сотрудники украинцев и допустил в их статьях употребляемое ими фонетическое правописание. Но это была только уступка зарождавшемуся уже в Галиции украинофильскому движению; с 1864 г., когда это движение успело несколько окрепнуть и отношения между ним и старой партией обострились, терпимость была признана неудобной, и «Слово» пошло совсем другим путем.

Толчком к новому украинофильскому движению среди галицко-русской молодежи послужило прежде всего ее ознакомление с поэзией Шевченка и с другими представителями украинской литературы. Изданные в 1859 г. в Лейпциге некоторые нецензурные стихотворения Шевченка впервые проникли в Галицию и поразили молодежь как что-то совсем новое и неслыханное.

В 1860 г. появилось в Петербурге новое, более полное издание «Кобзаря», и для галицко-русской молодежи открылся новый мир. В этом мире она прежде всего увидела Украину, с

ее степями, казачеством и «волей»! До сих пор она смотрела на все это глазами «Тараса Бульбы» и польских романтиков, особенно М. Чайковского, увлекаясь пышными картинами, но не чувствуя при этом ничего.

Начинается усиленное подражание украинщине, сперва в костюме и манерах, потом, под влиянием антагонизма к полякам, все более глубокое; вырабатывается взгляд на необходимость пользоваться в литературе только народным языком. Литературных талантов и научной подготовки у тогдашней галицко-русской молодежи не было; поэты и писатели 30-х и 40-х годов или сошли со сцены, или удивляли молодежь бездарностью и безыдейностью своих новых сочинений.

Из тех, кто выступил в 50-ые годы, одни, как Платон Костецкий, ушли совсем в польский лагерь, другие, как Евгений Згарский, хотя и пытались примкнуть к новому украинофильскому движению (поэмы «Святый вечер» и «Маруся Богуславка»), но обладали слишком малым талантом и отталкивали даже нетребовательных галицких читателей своею малокультурностью. Не смотря на это, первые периодические издания нового направления — «Вечорныци», «Ныва», «Русалка» и «Мета» — были встречаемы и поддерживаемы молодежью с неописанным восторгом уже потому, что в них перепечатывались лучшие, в Галиции до тех пор неизвестные сочинения украинских писателей.

Около этих изданий сосредоточивался интерес украинофильской молодежи, которая, под влиянием университетских студентов, начала во Львове, а потом и в других городах составлять тайные общества — так наз[ываемые] «громады», — с самыми скромными целями самообразования, совместного чтения книг и обсуждения литературных и национальных вопросов. Душой и как бы патроном этих кружков, составленных из студентов университета и гимназистов, сделался Даниил Танячкевич, воспитанник духовной семинарии, который с огромной долей энтузиазма и пламенной верой в лучшую

будущность своего народа совмещал недостаток солидного образования и ясно определенной программы. Не было их и у трех главных писателей и публицистов нового направления: Ксенофонта Климковича, который в 1867 г., после крушения украинофильских изданий, перешел в сотрудники анти-украинской «Славянской Зари», — Володимира Шашкевича, сына Маркиана Шашкевича, подававшего большие надежды, но скоро стушевавшегося и молодым умершего поэта, — и Федора Заревича, написавшего ряд новелл и одну повесть «Хлопська дитина», примитивную по языку и писательской технике, но все-таки имевшую некоторое значение как первая попытка изображения жизни и взглядов современного интеллигентного русина.

Единственный талантливый и оригинальный австрорусский писатель, выступивший с самого начала 60-ых годов и почти сразу занявший в воображении энтузиастической молодежи место возле Шевченка, был Иосиф Федькович. Сын ополченного шляхтича Гордынского и матери из православной священнической буковинской семьи, он провел детство среди русинских горцев-гуцулов, учился в немецком реальном училище в Черновице, но, не кончив курса, бежал в Румынию, откуда после нескольких годов был принудительно возвращен и сдан в солдаты; дослужился довольно скоро до офицерского чина и, вращаясь в немецком обществе, писал немецкие стихи, пока не встретился с двумя молодыми приверженцами галицкого украинофильства, учителем гимназии Конст[антином] Горбалем и кандидатом богословия Антонием Кобылянским. Под их влиянием молодой онемеченный офицер почувствовал себя русином, вспомнил свое гуцульское детство и сделался восторженным поэтом и бытописателем своего родного уголка. Превосходно владея языком гуцулов, составляющим очень характерное наречие южнорусской речи, он начал писать на этом диалекте и остался верен ему до конца жизни.

КНИЖИЦА

ЧИТАЛЬНАЯ

ДЛЯ НАЧИНАЮЩИХЪ.

—
А. Д.

Александра Духновича
БЕДИНЪ,

изд. Ц. К. Югославской Книгопечатни
1852.

Титульный лист «Книжицы читальной»
Александра Духновича» (Будапешт, 1852)

Верное художественное чутье сразу же подсказало ему тему его стихотворений и рассказов — рекрутскую жизнь, со всеми ее тягестями и ужасами и малочисленными удовольствиями. Образцом служила ему народная песня или безыскусственный народный рассказ. Первые его стихотворения, навеянные впечатлениями поэта из австро-итальянской войны 1859 г., возбудили среди галицко-русской молодежи неописанный восторг; все видели в Федьковиче (под этим именем он стал известен в литературе) достойного преемника Шевченко.

Сам Федькович поверил этому, вышел в отставку и решил отдать свою жизнь литературе и служению родному народу. Это была его роковая ошибка. Он не был гениальный человек, как Шевченко; запас его живых наблюдений и самая способность наблюдать вскоре исчерпались, и он стал механически, даже аляповато подражать Шевченко. Притом его образование было довольно поверхностное; в Галиции и в Буковине он не нашел людей более развитых и интеллигентных, которые могли бы благотворно влиять на его развитие; наоборот, самые лучшие его произведения — прелестные и живые рассказы из гуцульской жизни — не нашли среди галицийской публики такого приема, который мог бы поддержать деятельность поэта в этом направлении.

Его желание сделаться национальным южнорусским поэтом, в связи с неясным пониманием его задач и роли, толкнуло его на совершенно ошибочный путь; он начал писать большие и совсем мертвые драмы из неведомого ему украинского прошлого (Довбуш, Богдан Хмельницкий), пытаясь из отрывков народных песен воспроизвести древний мифический эпос. По мере того, как он удалялся от жизни и ее жгучих интересов, его еще более перестали понимать; пришли разочарования, и Федькович в начале 70-х годов в самом пессимистическом настроении ушел в свои гуцульские горы. —

В 1866 г., под влиянием поражения австрийских войск под Садовой, направление, называвшее себя до тех пор старорусским или «твердым», провозгласило в «Слове» единство южнорусского народа с великорусским и необходимость стремления к объединению этих частей неделимой Руси. Потребность в изучении русского литературного языка была более устранена, чем удовлетворена брошюрой Дидыцкого «В один час научиться малорусину по-великорусски», проводившей пресловутый принцип: «один язык, два выговора».

Старые деятели прекращают выходившие прежде издания — «Науковий Сборник», «Литературный Сборник», «Галичанин», — довольствуясь политическими органами, где то и дело фельетоны и даже статьи по текущим вопросам перепечатывались из русских изданий, всегда на курьезно подправленном языке. Вскоре лучшие силы той партии (Головацкий, Ливчак, Лесекевич, Цыбык, Попель, Куземский) уходят в Россию; затем и Дидыцкий бросает свой пост редактора «Слова», оставляя на своем месте неспособного В.М. Площанского. Но и украинофильское движение не могло окрепнуть.

Молодежь, организованная в «громадах», требовала умственной пищи, книг, идей, но вожаки движения не могли дать ей ничего кроме горячих фраз и фантастических планов Д. Тянякевича, писавшего под псевдонимом «Будеволя». Примкнувший было на время (1865 г.) к этому движению поляк, эмигрант из Украины Паулин Свенцицкий (Павло Свий), тоже не мог дать галицкой молодежи ничего положительного и скоро ушел совсем в польскую литературу, после того как начатый им с целью примирения русинов с поляками польско-русинский журнал «Sioło» не привлек к себе никого из русинов и не нашел читателей среди поляков.

В это время знакомится с галичанами Кулиш. На него, как на друга и товарища Шевченко, галичане возлагают большие надежды, от него ждут слова, разрешающего их недоумения и

указывающего им путь практической деятельности. Кулиш, совершенно незнакомый с галицкими отношениями, рекомендует галичанам какое-то туманное славянофильство, более похожее на Хомяковское, чем на Шевченковское, не менее туманное народничество и, в конце концов, непримиримую борьбу с поляками, Разумеется, кроме этого последнего пункта, продиктованного галичанам их местными обстоятельствами, идеи Кулиша были для галичан совсем непонятны. Вот почему, несмотря на популярность его имени, газеты, бывшие его органами, имели мало читателей; основанная им в 1868 г. [26] «Правда» влачила жалкое существование, а напечатанный им в приложении к той же «Правде» украинский перевод Священного Писания также не оправдал надежд, которые на него возлагал Кулиш.

Между тем некоторые вожаки украинофильского движения, как упомянутые К. Горбаль и Вол. Шашкевич, поддались влиянию наместника Галиции, заклятого врага русинского движения графа Голуховского и стали издавать полуофициальную газету «Русь», имевшую, впрочем, ничтожное число подписчиков и не прожившую даже года. Понятно, что к концу 60-х годов старая или «москвофильская» партия, имевшая в своих руках богатые учреждения, как «Народный Дом», «ставропигийский институт», обе епископские консистории, всю сеймовую и венскую депутацию, могла насмешливо относиться к украинофильствующей молодежи и даже с некоторым основанием говорить, что украинофильство — это «польская интрига».

Но сама жизнь, за недостатком ясной программы, наводила молодежь на путь практической работы. Молодые украинофилы выносили из своих увлечений Шевченком и мечтаний об Украине желание сближаться с народом, изучать его речь, записывать его песни. В 60-х годах молодежью и некоторыми из «старых» была записана масса народных песен, часть которых вошла в известное собрание Головацкого (напр[имер],

песни Галиц[кой] и Угорской Руси), изданное в Москве, но более значительная часть до сих пор не опубликована. Сближаясь с народом хотя бы с этнографической целью, молодежь убеждалась воочию в необходимости его просвещения, и для этой цели основала в 1867 г. во Львове «Просвіту» — общество для издания популярных книг, существующее и до сих пор и издавшее 284 номера брошюр, в числе более миллиона экземпляров. Это были два самые ценные приобретения галицкого украинофильства 60-х годов.

В начале 70-х годов в южнорусской литературе и науке возникает значительное оживление. Появляется целая плеяда талантливых писателей и ученых, печатающих свои труды преимущественно на русск[ом] языке, но ставящих себе целью разработку украинской истории, этнографии, языка. Самые видные из них давно заняли почетное место в русской науке, как лингвист и этнограф А. Потебня, историк В.Б. Антонович, лингвисты П. Житецкий, Михальчук, В. Науменко, этнографы П.П. Чубинский и М. Драгоманов.

Все эти ученые (кроме первого) в начале 70-х годов составили в Киеве «Югозападный отдел Русск[ого] географического общества», сделавшийся на некоторое время центром украинской мысли и науки. Чубинский был руководителем этнографической экспедиции в Юго-Западный край, снаряженной Императорским русским географическим обществом, и собрал громадный этнографический материал (7 больших томов), легший в основание всех дальнейших работ по этнографии и языку Южной Руси. Антонович опубликовал архивные материалы, освещающие самые основные вопросы социального и политического строя Украины в его историческом развитии (церковь, козачество, города, крестьянство, гайдамачество, колдовство) и совместно с Драгомановым начал критическое издание «Исторических песен южнорусского народа» (2 тома). Житецкий издал «Очерк звуковой истории южнорусского языка», Пересопницкое евангелие и со

статьей о его языке. Драгоманов издал богатый свод малорусских преданий и рассказов и занялся сравнительным изучением южнорусского фольклорного материала в связи с славянским, западноевропейским и восточным. Ив. Рудченко издал замечательный сборник чумацких песен, его брат Афанасий — двухтомный сборник южнорусских сказок, А. Ефименко — сборник малорусских заклинаний и т. д. В «Записках Юго-западного отдела Русского географического общества» были напечатаны новые исследования и материалы Волкова, Лоначевского (Буковинские народные песни), Лысенка (репертуар кобзаря Вересая, с музыкой и исследованием о ней). Все то значительно расширило кругозор и оживило украинское движение.

Но украинское движение в Киеве на этот раз не было заключено в тесные рамки партикулярных усилий кабинетных ученых: оно развивалось в более или менее живой связи с прогрессивными и либеральными элементами русскими и польскими. Явилась настоятельная потребность осмыслить украинскую деятельность, дать ей широкую программу.

Особенно дорожа связью с русским прогрессивным движением, тогдашние киевские украинофилы отклоняли мысль о каком-нибудь государственном украинском сепаратизме и, добиваясь реформ в либеральном духе, надеялись на этой почве найти место для свободного культурного развития Украины. Вот почему, не предвещая будущего, они принимали мысль Костомарова создавать на украинском языке литературу и науку «для домашнего обихода», т. е. для элементарного обучения и просвещения народа, допуская и даже требуя для более просвещенных классов литературы и науки на русском языке.

Еще в конце 60-х и в начале 70-х гг. появляется целый ряд талантливых писателей, которые как будто дают себе слово отдать свой талант исключительно на службу украинскому слову и в своих сочинениях обращаются преимущественно к интеллигенции, а не к простому, в подавляющем большинстве

совсем даже неграмотному народу. Самый замечательный из этих писателей Иван С. Левицкий (Нечуй) с 1868 г. начал печатать в Галиции свои очерки — «Дві московки» и «Горыславська ніч», после которых дал ряд больших романов («Причепа», «Хмары», «Кайдашева семья», «Микола Джеря», «Бурлачка»), в которых набросал мастерские картины быта правобережной Украины, крестьян, заводских рабочих, духовенства, шляхтичей-арендаторов и помещиков, студентов и профессоров, мещан и евреев. Левицкий — хороший рассказчик, с небольшой дозой юмора; нарисованные им типы пластичны и выхвачены из живой действительности: он стремится везде к полной их этнографической обрисовке, между тем как психологический анализ отступает на задний план.

Поэтичность описаний природы, прекрасный язык сделали И.С. Левицкого любимцем читающей публики в Украине и в Галиции. Рядом с ним выступает Панас Мирный, сильный эпический талант, представитель левобережной Украины с ее степями, слободами и хуторами. Он начал небольшими очерками из жизни городского населения (Пьяница, Лихий попу-тав), а в большом романе «Хіба ревуть воли, як ясла повни?» дал широко задуманную историю украинского села почти за целое столетие и на этом фоне представил ряд интересных типов (крестьянин-бунтовщик) и потрясающих сцен («Солдаты на прокормлении», «Усмирение бунта»). Этим романом, не смотря на его злополучную судьбу (дозволенный цензурой в 1873 г. [27], он не был тогда напечатан, а напечатанный в 1879 г. [28] в Женеве, был запрещен не только в России, но и в Австрии; в России он появился только в 1903 г.), Мирный сразу выдвинулся в первый ряд украинских писателей. Напечатанные им позже две части большого романа «Повія» еще более подняли его репутацию; точное знакомство с жизнью, пластичность изображения, тонкое и глубокое психологическое наблюдение, прекрасный, богатый язык встретили единодушное признание критики.

Гораздо ниже как по художественному достоинству, так и по влиянию на украинскую публику стоят многочисленные стихотворения, рассказы и романы А.Я. Конисского, печатавшего большую часть своих произведений в Галиции. В своих романах («Семен Жук и его родичи», «Юрій Горовенко», «В гостях добре, а дома наилучше») он пытался изображать жгучие конфликты и явления современной общественной жизни, но эти изображения и в идейном, и в художественном отношении очень слабы. Гораздо удачнее его небольшие очерки из крестьянской и вообще деревенской жизни, где меткость наблюдения соединяется с живостью и драматичностью рассказа.

Значительно выше, особенно как лирик, стоит М.П. Старицкий, давший украинской литературе, кроме оригинальных стихотворений, длинный ряд хороших переводов из Крылова, Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Мицкевича, Байрона и сербской народной поэзии; менее удачен его перевод Шекспирова «Гамлета». Впоследствии Старицкий явился одним из основателей и наиболее плодовитым драматургом украинского театра. —

Оживленная деятельность киевского кружка длилась едва несколько лет. Время было тревожное; «хождение в народ» одной части русской молодежи и пропаганда социалистических идей встревожили правительство; в Киеве нашлись люди, которые имели личные счеты с украинофилами и, пользуясь изданием нескольких социалистических брошюр в Вене — изданием, с которым киевские украинофилы не имели ничего общего, — сумели представить украинофильство как очаг антигосударственной и антиобщественной пропаганды и добиться таким образом указа 16 мая 1876 г. (прозванного «Lex Jusephovicia»), запрещающего печатание всяких книг и даже текстов под нотами, особенно всяких научных и популярных сочинений на украинском языке, кроме беллетристики, этнографических материалов и исторических актов.

Михайло Коцюбинський.

513

Intermezzo.

(Привітання Катковським тільді).

Віталь особі:

Моз утомив.
Кивки у сервії.
Сонце.
Три білих вівтарів.
Зозуля.
Жайворонки.
Залізні рука ворува.
Модерне гору.

Линилися тілеса ще стару
вартис. Се було одно з тит
нечисленних „тудів“, які не
не так утомили і подавали
статти. Дарма, ~~Іді~~ те, туді
мале, чи
фвілско, ~~мале~~ — вату те мав,
що кожен раз воно викидає
уваги, що не я їм, а воно їм,
уни керує. Фактично — ста-
єм керівником свого могого
вого звіря. Пот на гоє убілоти.

Автограф новеллы Михаила Коцюбинского «Intermezzo»

В то же время был закрыт юго-западный отдел географического общества в Киеве, арестованы собранные им этнографические и другие научные материалы; М. Драгоманов устранен от преподавания в Киевском университете и уехал за границу.

Начался третий антракт в истории развития украинской литературы, антракт, может быть, самый длинный и самый тяжелый, длившийся почти 20 лет и, не смотря на некоторые облегчения, созданные указом 1881 г. и самой практикой жизни, не окончившийся вполне и до сих пор. В первое время после указа украинцы были как будто парализованы. Совет перенести базис литературной деятельности в Галицию не встречал сочувствия. Малокультурность и отсталость галицких вожakov, без различия партий, отталкивала украинцев от сношений с ними; единственный украинофильский орган в Галиции в 70-х г., «Правда» давал очень нелестное представление о галицких редакторах и сотрудниках, кроме Владимира Навроцкого, давшего несколько дельных статей по экономическим и общественным вопросам Галиции. Присылаемые из Украины статьи и даже беллетристические произведения не печатались целые годы или пропадали; в самых основных вопросах политических и общественных редакция высказывала мысли, вызывающие горячие протесты со стороны украинцев.

Драгоманов, живя еще в Киеве, несколько раз пытался наладить более близкие и дружественные сношения с галицкими украинофилами, но напрасно. Основанное при его содействии на деньги, пожертвованные из Украины, «Общество имени Шевченка», должно было сделаться центром общей украинцам и галичанам литературной и научной работы, в руках галичан сделалось почти мертвым и не выходило из финансовых затруднений.

Вот почему Драгоманов решился обратиться к молодежи так назыв[аемого] москвофильского лагеря, издававшей тогда газетку «Друг». Три письма, написанные им в редакцию этой газеты в 1875–76 гг., произвели очень сильное впечатление.

Он почти не затрагивал национальных и партийных вопросов (даже письма свои писал по-русски), но корил молодежь за ее культурную и научную отсталость, за леность мышления, за отсутствие этического идеала, указывал неотложный нравственный долг служить своему народу и работать для него. Эти письма сделались исходной точкой нового, радикально демократического движения среди русинской молодежи и вместе с тем началом нового развития литературы.

Драгоманов резко критиковал всю тогдашнюю галицкую и украинскую литературу, указывая ее невысокую художественную стоимость и малую идейность. Галицкая администрация возбудила против его приверженцев целый ряд процессов из-за мнимо социалистической пропаганды. Это сплотило небольшую группу людей (М. Павлик, Остап Терлецкий, Иван Франко и др.) для решительной борьбы с галицкой заскорузлостью и беспринципностью. Издания этой группы — «Громадський друг», «Дзвін», «Молот» — систематически конфисковались полицией; их редактор М. Павлик за свою новеллу «Тетьяна Ребенщукова» был приговорен к шестимесячному тюремному заключению и должен был уехать за границу. К концу 1879 г. кружок разбился, успев, однако, дать несколько литературных произведений, резко отличавшихся от всего, что до сих пор производила галицко-русская беллетристика (новеллы Павлика «Юрко Кулыків» и «Тетьяна Ребенщукова», его большой рассказ «Пропашій чоловік», Франка «Воа Constrictor» и «На дні»).

Между тем Драгоманов, после непродолжительного пребывания в Вене, уехал в Женеву, где начал издание научно-литературного сборника «Громада» — издание своеобразное, носившее печать сильной личности издателя, но вместе с тем обнаруживавшее почти с самого начала его изолированность среди украинского общества. Немногочисленные сотрудники стуживались:

«Громада» была как будто органом самого Драгоманова. Хотя в ней печатались большею частью вещи, которые могли преспокойно появиться в Австрии и даже в России, но из-за имени издателя и из-за места печатания все книжки систематически запрещались в Австрии, не исключая даже романа Мирного и комментированных текстов исторических песен украинского народа. В России эти издания тоже не шли и, таким образом, печатание их вскоре должно было потерять всякий смысл.

Драгоманов работал усиленно, дал в «Громаде» ряд ценных статей («Народні школи на Україні», «Україна і центри», «Шевченко, українофіли і соціалізм» и т. п.), но в начале 80-х годов должен был прекратить издание. Он поместил еще несколько публицистических и критических статей в женевских русских изданиях «Вольном слове» и «Свободной России» («Историческая Польша и великорусская демократия», «Из истории русского либерализма»), думал приняться за написание обширной истории украинской литературы, но в конце 80-х годов уехал в Болгарию, где преподавал историю в Софийском университете и напечатал ряд ценных статей по сравнительному изучению славянских и европейских легенд и религиозных верований в «Сборнике за народни умотворенія».

В Украине, между тем, литературная производительность почти совсем иссякла. Изданные М.П. Старицким в 1883–84 гг. два тома сборника «Рада» свидетельствовали о том, что украинская литература имеет недюжинные таланты, умеющие глубоко и пристально заглядывать в жизнь и художественно воспроизводить ее (драма Старицкого «Не судилось», роман Мирного «Повія», рассказ Ив. Левицкого «Микола Джеря», поэма Олены Пчилки «Козачка Олена», опыт библиографии украинской литературы за XIX столетие М. Комарова и др.); но сделать из «Рады» периодический ежегодник оказалось невозможным.

Для научной разработки истории, археологии, этнографии Украины возникает с 1881 г. [29] «Киевская старина», соединяющая в себе лучшие научные силы Южной Руси и давшая массу ценных работ и материалов, необходимых для всякого, кто хочет заниматься Южной Русью. Здесь печатались сначала совсем по-русски, потом с удержанием украинской речи в разговорах, наконец, и совсем по-украински многочисленные рассказы из украинской истории и современной жизни, в том числе и такие капитальные вещи, как роман И.С. Левицкого «Старосвітські батюшки и матушки», Мирного «Пропаша сила», рассказы Коцюбинского, Гринченко, Винниченко, Чернявского, драмы Старицкого («Богдан Хмельницкий», «Облога Буши», «Остання ніч») и Карпенка Карого («Сава Чалый» и др.).

Большое значение для дальнейшего развития украинской литературы имело возникновение (около 1883 г.) украинского театра. Уже в XVIII в. при дворах зажиточных украинских панов были театральные труппы из крепостных; для таких трупп писали свои комедии и мелодрамы И.П. Котляревский и В. Гоголь (отец), из них выходили художники-актеры, как Соленик и знаменитый Щепкин. В 30-х и 40-х годах польские кочующие труппы в правобережной Украине дают иногда тоже малорусские спектакли; в левобережных городах существуют труппы любителей, устраивающие русские и украинские спектакли. Из таких спектаклей составила в начале 80-х годов, по инициативе М. Старицкого и при участии талантливых актеров Кропивницкого, трех братьев Тобилевичей — Карпенка-Карого, Садовского и Саксаганского [30] и актрис Марии Заньковецкой, Затыркевич и др., первая правильная украинская труппа, получившая в 1883 г. позволение давать украинские спектакли с тем условием, чтоб каждый такой спектакль был соединен с представлением одной русской пьесы. Труппа была прекрасно организована и имела большой успех. Первоначально ей не было дозволено играть в Киеве и

других значительных южно-русских городах и поэтому ее карьера началась в Москве и Петербурге. Над расширением репертуара работали М. Старицкий, М. Кропивницкий, автор нескольких хороших пьес из народной жизни («Глытай», «Доки сонце зійде, роса очі виість», «Дай серцю волю», «По ревізії»), и самый талантливый и плодовитый из украинских драматургов Карпенко-Карый, пытавшийся в ряде сценически интересных пьес осветить и драматизировать разные характерные явления в жизни современной украинской деревни и давший на этом фоне ряд глубоко задуманных и художественно обрисованных типов («Бурлака», «Наймичка», «Чумаки», «Сто тысяч», «Розумный и дурень», «Хозяин»); менее удачны его попытки представить современного украинского интеллигента («По над Дніпром»), равно как и опыты исторической драмы («Бондарівна», «Паливода XVIII века»), кроме упомянутого уже «Савы Чалого».

Из современных украинских драматургов назовем еще Мирного («Лемерівна», «Перемудрыв»), Гринченко («Ясні зори», «За батька», «Арсен Яворенко», «Серед бури»), Яновскую («На зелений клын», «Дзвін до церкви людей скликає, та сам у ній не буває», «На Меланки»), Манька («Нещасне Коханнє»), Бораковского («Маруся Чурай»), Людмилу Старицкую (лирическая драма «Сафо»).

В Галиции, не смотря на более свободную театральную цензуру и не смотря на то, что правильная театральная мало-русская труппа составила здесь еще в 1864 г. и пользуется небольшой субсидией от местного сейма (сначала 3, теперь семь с половиною тысяч гульденов), театр не поднялся до сих пор на высоту художественного исполнения, не создал сколько-нибудь выдающегося собственного репертуара. Самое лучшее в его репертуаре — это украинские пьесы; из галицких произведений, кроме мелодрам Гушалевица («Підгір'яни») и переделок Устыяновича («Верховинці»), самым большим успехом пользовались сочинения Григория Цеглинского

(«Тато на заручинах», «Лихий день», «Соколики», «Шляхта Ходачкова», «Аргонавты» и др.), при всей сценичности не свободные от шаблонности в обрисовке фигур и наивности в понимании жизни.

В общественной жизни Галиции начало 80-х годов ознаменовалось банкротством старой, или москвофильской, партии (покража фондов сиротской кассы при митрополичьей консистории, процесс Ольги Грабарь, Наумовича, Площанского и товарищей, падение крылошанского банка, эмиграции Наумовича в Россию) и сильным развитием так наз[ываемой] молодой, или украинофильской партии, которая теперь, значительно урезав свое украинофильство, превратилась в русинскую, национальную, или народовецкую партию. Главными деятелями этого превращения были священник и депутат Стефан Качала, братья Володимир, Александр и Иосиф Барвинские, Юлиан Романчук и Емельян Партыцкий. Романчук начал еще с 1879 г. издавать популярную политическую газету «Батьківщина»; Барвинские с 1880 г. основали небольшую, политическую газету «Дило», рассчитанную главным образом на униатское духовенство и чиновничью интеллигенцию; Партыцкий в том же году начал издавать литературно-научную часопись «Зоря». Во всех этих изданиях заметно какое-то умышленное ограничение горизонта; не упоминается почти вовсе об Украине, боязливо обходится все, что могло бы не нравиться духовенству; исподтишка бросаются камни в свободлюбное молодое поколение, издающее журнальчик «Світ», в котором сотрудничают и украинцы (Конисский, Волков, И.С. Левицкий, Гринченко).

В 1880 г. приехал во Львов П.А. Кулиш с намерением печатать здесь свой перевод Шекспира, для чего украинцами была собрана довольно значительная сумма. Вместо этого полезного дела он дал некоторым польским панам поймать себя на удочку «культурности» и выступил в роли примирителя русинов с поляками в Галиции.

Изданная им с этой целью «Крашанка» встретила со стороны украинцев всех партий единодушный отпор (статьи Барвинского в «Дили», Франко в «Світі», брошюра Мордовцева в Петербурге), а вышедшая в тоже время книжка его «Хуторна поезія» обнаружила в авторе просто болезненное состояние духа. Поляки увидели, что с ним нечего считаться, обещанных денег на издание предполагавшейся газеты «Хутор» не дали и вместо примирения с русинами начали самый решительный подкоп под их национальное существование, пытаясь, посредством реформы базилианского ордена иезуитами, перевоспитать в своем духе черное духовенство, чтобы впоследствии иметь преданную интересам латинства униатскую иерархию.

Кулиш понял, что его подвели, и уехал обратно в Россию, посвятив свои последние годы переводам (Шекспира, Байрона, Шиллера, Гете, Гейне) и оригинальным поэтическим сочинениям (кроме множества мелких стихотворений — драмы «Байда», «Цар Налывай» и «Сагайдачный», поэмы «Маруся Богуславка», «Магомет и Хадиза», «Кулиш у пекли» и еще целый ряд других, сгоревших, за исключением небольших отрывков, во время пожара его хутора).

В этих поздних сочинениях Кулиш уже не подражает Шевченку, находит свой собственный тон; подчас у него выливаются стихи, удивительные по силе и образности экспрессии, полные искреннего чувства. Большею частью, однако, его стихотворения производят впечатление лепета больного человека. Его смерть вызвала во всей Украине скорее чувство облегчения, чем скорби; он пережил себя по крайней мере лет на 10.

В Галиции, после смерти Вол. Барвинского (1883), одно время могло казаться, что разрыв среди «народной» партии будет устранен; люди молодого поколения начали работать в «Диле», помогли устроить несколько народных собраний, способствовавших сильному подъему духа среди духовенства и крестьянства восточной Галиции, стали сотрудниками «Зо-

ри» и значительно оживили литературу. Но ретроградные элементы оттолкнули от себя молодое поколение, и к концу 80-х годов разрыв делается полным.

Молодежь, под влиянием идей Драгоманова, решается обратиться прямо к народной массе и поднять ее на борьбу за расширение ее гражданских и национальных прав; образуется крестьянская радикальная партия, агитирующая посредством своей прессы («Народ», «Хлибороб», «Радикал», «Громадскій голос») и бесчисленных народных собраний за общую подачу голосов при всяких выборах, за переустройство страны в либеральном духе, за устранение привилегий шляхты, за социальное обеспечение рабочего и крестьянского населения.

В тех же изданиях Драгоманов, уже тяжело больной, кроме ряда критических и публицистических статей, дал замечательный разбор разных спорных вопросов современной украинской жизни (о национализме и интернационализме, о самобытности и культурной общности, о национальных святынях и т. п.), а также обзор современного состояния научных работ по изучению Украины («Чудацкі думки», «Лысты на наддніпрянску Україну»).

Ему же принадлежит ряд хороших популярных брошюр, излагающих в общедоступной форме результаты современного сравнительного изучения религиозных верований («Оповідання про заздрых богів», «Рай і поступ») или рисующих крупные исторические моменты («Іван Виклиф», «Пятьсот літ швейцарської спілки»). Этими брошюрами, которые были продолжением его прежних, еще в Киеве начатых («Про українських козаків, татар та турків») и в Женеве продолжавшихся популярных изданий («Про хлиборобство», «Про те, як земля наша стала не наша»), Драгоманов вступил в ряды лучших популярных писателей не только южнорусских, но и вообще славянских. Напечатанные в начале 90-ых годов во Львове его мемуары («Австро-руські спомины») обнаружили в этом беспощадном и иногда слишком строгом критике и

«космополите» человека симпатичного, чуткого ко всему доброму и честному и горячо любящего свою родину.

Между тем старое поколение бывших галицких украинофилов добилося некоторого политического значения и успело в 1889 г. провести в галицкий сейм нескольких депутатов, в том числе Романчука, нотариуса Телишевского, адвоката Окуневского. Сначала эти депутаты довольно живо и талантливо защищали крестьянские и национальные русинские интересы, но потом, увлеченные до сих пор не совсем выясненными посулами со стороны тогдашнего галицкого наместника графа К. Бадени и стоявшей за его плечами польской шляхетской партии, заключили договор, долженствовавший сделать их из оппозиционной какою-то полуофициальной партией. Это польско-русинское соглашение, шумно прозванное его инициаторами «новой эрой», сделалось эрой деморализации и привело к кровавым Бадениевским выборам 1897 г. — ответу польской правительствующей партии на стремление галицко-русского народа «свое суждение иметь» и в политических вопросах. Польские заправила не сдержали своих обещаний контрагентам «новой эры»: Телишевский, потом Романчук отступили от своего создания, и для русинов оказался возможным только один способ действий — тот самый, на который до тех пор указывала радикальная партия: добиваться политической силы посредством умственного и экономического поднятия крестьянских масс и их политической и классовой организации.

Вот какие обходные пути были нужны, чтобы сошлись вместе два поколения галицко-русских «народников». Это случилось в конце прошлого столетия, когда из членов бывшей народной и бывшей радикальной партий образовалась национально-демократическая партия, которая в своей программе выставила идеал самостоятельного развития русинской национальности на основании экономического подъема

народной массы и целого ряда социальных реформ в духе равенства и справедливости.

Конечно, и после установления общей программы внутри национально-демократической партии продолжает идти борьба мнений и направлений, не исключена возможность новых попыток парламентских компромиссов; но в виду значительно выросшей политической и культурной организации народных масс (тысячи читален по деревням и городам, сотни экономических и политических обществ) и оживленной агитации посредством прессы и собраний такие попытки имеют очень мало шансов на успех. В «старой» или «москвофильской» партии также произошла эволюция. Старое поколение продолжает идти торной дорогой 50-х и 60-х годов, но молодое пытается осуществить свои заявления об общерусском единстве. Политическая пресса москвофилов играет в местных вопросах роль консерваторов и из оппозиции к радикалам и национал-демократам идет рука в руку с польской шляхтой, а то и прямо заискивает с ней. Вместе с тем она усиленно защищает все меры, предпринимаемые в России по отношению к окраинам. В литературном отношении эта партия пробавляется перепечаткой русских сочинений, смешивая иногда Л. Толстого и Тургенева с Марлинским и Немировичем-Данченком, возводимым в классики русской литературы.

Из собственных беллетристов старой партии имел некоторую популярность о. Хиляк (Иероним Аноним), автор недурных рассказов из галицкой народной жизни; но он впадал в слащавый и неестественный тон всякий раз, когда пытался выйти из крестьянской среды. Еще менее интереса представляет Василий Залозецкий, автор археологических и исторических рассказов из прошлого Галиции, подражающий Марлинскому и Загоскину.

Молодые «радикальные москвофилы» пытаются, не всегда удачно, писать русским литературным языком: их беллетристы (Н. Вергун, Ю. Яворский, Ф. Глушкевич) не произвели до

сих пор ничего такого, что можно было бы назвать вкладом в русскую литературу; для южнорусской их упражнения также не имеют никакого значения. —

Для ю[жнорусской] литературы последние годы XIX и первые годы XX столетия были временем значительного оживления и подъема. Появляется целый ряд молодых работников, расширяющих горизонт литературных и научных интересов; создаются специальные организации для научной и литературной работы, смягчается постепенно цензура, главным образом в отношении к популярным изданиям. К лучшим популяризаторам принадлежат Е.Х. Чикаленко («Розмовы про сільське господарство»), Гамалий (очерки по географии России), Гринченко и Мария Загирня (биографии видных украинских и чужих деятелей — Стефенсона, Вашингтона, Сократа, Линкольна и др.).

Серии популярных изданий возникают в Чернигове, Харькове (по инициативе талантливого украинского беллетриста Игн. Хоткевича), Черкасах и Киеве. В последнее время на первый план в этом отношении выступает С.-петербургское благотворительное общество для издания популярных книг, выпустившее в свет, кроме упомянутых уже «Розмов» Чикаленка (5 книжек), хорошо обработанное «Бжильництво» г. Немоловского, метеорологию г. Русова и значительное число других популярных книг. Эти издания расходятся в очень значительном количестве, не десятками, а сотнями тысяч экземпляров; значит, масса народа начала чувствовать потребность в книге на родном языке. В еще более значительной степени это можно сказать об украинской интеллигенции.

В начале 60-х годов «Основа» имела едва несколько сот подписчиков и самая популярная украинская книга «Кобзарь» Шевченка печаталась в 3000 экз[емпляров], и этого издания хватало на целое десятилетие; теперь издание «Кобзаря» в 10000 экз[емпляров] разошлось в продолжение трех лет. Сочинения новых беллетристов, печатавшиеся прежде в 1000—

1500 экз[емпляров] и лежавшие целые годы на полках, теперь печатаются в 3–5 тыс[ячах] экз[емпляров] и расходятся в продолжение года, двух. Изданный в 1900 г. сборник украинской поэзии «Вик» был по подписке разобран еще до появления в свет в 3000 экз[емпляров]; новое издание, которое пришлось изготавливать немедленно, разошлось в продолжение трех лет в 5000 экз[емпляров], хотя состояло из трех толстых томов и стоило 6 рублей. Этот спрос на украинскую книгу отчасти вызван оживлением национального чувства, отчасти значительным подъемом идейного уровня литературы и разнообразием ее содержания.

Украинская литература последнего десятилетия обогатилась новыми талантами, ищущими новых дорог и новых горизонтов. Вошедшая было в поговорку шаблонная украинская идиллия с ее «дивчатами», «вишневыми садками», «соловейками» и «любощами» отошла в область предания. Серьезное изучение народной жизни и ее новых экономических и социальных явлений, роли интеллигенции в украинском селе и городе, тяжелые драмы, порождаемые ломкой старых семейных и идейных устоев, борьба за самоопределение и самовыражение личности — все это находит более или менее сильное художественное выражение в произведениях современных украинских писателей. Кое-что уже указано выше в беглом обзоре драматической литературы.

Роман в украинской литературе до сих пор как-то не может развернуться; старые работники Свидницкий, Левицкий и Мирный все еще не опережены новым поколением, несмотря на интересные попытки Б. Гринченко («Соняшний промінь», «На роспути»), пытавшегося на фоне современной украинской действительности представить зарождение нового типа радикального демократа и вместе с тем убежденного украинского национала, — а также М. Школиченка («На сели»), В. Левенка («Старе й нове») и др. За то в области новеллы и рассказа украинская литература имеет ряд молодых работников, которые

могли бы занять почетное место в любой, более богатой письменности.

По свежести и гармоничности таланта на первом месте следует поставить Мих. Коцюбинского, который мягкостью колорита, законченностью композиции, пластичностью рисунка и нежным лиризмом наиболее напоминает Тургенева. Возле него стоят упомянутые уже Б. Гринченко, А. Крымский, Дм. Маркевич [31], В. Левенко, Г. Хоткевич, Надия Кибальчич, В. Потапенко, О. Романова, В. Кравченко, М. Чернявский, Я. Жарко и самый яркий из начинающих талантов — Винниченко.

Не менее богато и разносторонне развивается лирическая поэзия. Здесь на первом месте стоит сильный талант Леси Украинки (псевдоним), у которой нота глубокой гражданской скорби сливается с энергической решимостью бороться за осуществление высоких идеалов и с несколько аскетическим отречением от личных удовольствий (см. особенно ее прекрасный драматический этюд «Одержима»).

Не менее своеобразный талант обнаружил Вл. Самийленко, один из лучших мастеров украинского языка, автор лирических стихотворений, переводчик «Тартюфа» Мольера и десяти песен Дантова «Ада», интересный особенно как сатирик; его сатира «На печи», написанная к столетнему юбилею новой украинской литературы (1898) — настоящий *carpea saeculare* украинской лени и беспечного квиетизма.

Павел Грабовский, недавно преждевременно скончавшийся в Иркутске, дал, кроме лирических стихотворений, навеянных суровой и безотрадной жизнью ссыльного и тоской по Украине, длинный ряд переводов, между прочим из Ады Негри и русских былин.

А.Е. Крымский, известный ориенталист, дал украинской беллетристике книжку прозаических рассказов, среди которых «*Psychopathia nationalis*» отличается яркостью красок и глубоким лиризмом, а также книгу стихотворений «Пальмове гил-

ля», в котором субъективизм автора своеобразно сливается с пышными ориентальными пейзажами и с отголосками ориентальной поэзии. Кроме того, он напечатал в Галиции перевод одной части «Шах Нама».

Упомянутый уже М. Чернявский, начавший свою поэтическую карьеру довольно безцветными «Донецкими сонетами», дал впоследствии сборник стихотворений «Зори», отличающийся, кроме хорошего языка, искренностью чувства и богатством колорита. Менее удачны оригинальные стихотворения и переводы Ив. Стешенка (Овидиевы «Метаморфозы»). Е. Тымченко, автор двухтомного малорусско-русского словаря, дал хороший перевод «Калевалы»; сверстник и друг Руданского, П. Нищинский, начавший писать по-украински только к концу жизни — свободную переделку Софокловой «Антигоны», полный и прекрасный перевод Гомеровой «Одиссеи» и неоконченный перевод «Илиады» (12 песен); почти все эти переводы могли быть напечатаны только в Галиции.

Несколько удачных стихотворений и поэтических рассказов дала Днипрова Чайка («Плавни горять»). Из лириков назовем еще Надию Кибальчич, Одарку Романову, Сергея Павленко и М. Вороного.

Своеобразное и ненормальное развитие украинской литературы имело последствием, и между прочим, обилие так называемых зарытых талантов — людей, которые втихомолку, для удовлетворения своей душевной потребности, трудились над разработкой украинской речи, но при жизни не публиковали ничего или очень мало и пропустили момент, когда их работа могла принести наибольшую пользу их родине. К таким талантам принадлежали: упомянутый уже Степан Руданский, сочинения которого в полном составе появились в печати только четверть столетия после его смерти; Василий Мова, опубликовавший при жизни, под псевдонимом В. Лиманского, одно сильное стихотворение «Козачій кістяк», но оставивший

в рукописях значительное количество поэтических и прозаических произведений, до сих пор напрасно ожидающих опубликования; А. Навроцкий, один из членов Кирилло-Мефодиевского братства, который при жизни опубликовал только два небольшие удачные перевода из Мицкевича, но в посмертных бумагах оставил массу оригинальных и переводных произведений. До некоторой степени сюда же нужно отнести и Ивана Манжуру, украинского этнографа, издавшего только перед смертью «Сборник интересных стихотворений» и «Степови мотивы», и Щоголева, выступившего на литературное поприще еще в 40-ые годы, но прожившего весь век в стороне от украинского литературного движения и только в 70-80-х годах опубликовавшего два сборника стихотворений («Ворскло» и «Слобожанщина»), свидетельствующие о недюжинном таланте, но вместе с тем носящие на себе несомненные следы отчужденности автора от более живых литературных течений. —

Самое сильное и, можно сказать, неожиданное оживление литературной и научной жизни в последнем десятилетии произошло в Галиции.

В начале 90-х годов существовавшее в 1873 г. Товариство имени Шевченка преобразовано в научное общество по типу европейских академий. Деятельность этого общества оживилась, особенно с тех пор, как его председателем сделался М.С. Грушевский, украинский уроженец и воспитанник киевского университета, занявший в львовском университете кафедру истории восточной Европы, с украинским преподавательским языком. Он организовал при обществе систематичную научную работу, создал хорошую библиотеку, богатую особенно русскими научными изданиями, подготовил ряд молодых работников по истории Украины (С. Томашивский, С. Рудницкий и др.), давших уже ценные вклады для изучения украинской истории, сосредоточил при обществе значительное число работников из старших поколе-

ний. До сих пор общество издало 58 тт. «Записок», 7 тт. «Источников для истории Украины» (документы с вводными статьями), 4 т. систематического курса «Исторіи Украины» (труд проф. Грушевского, стоящий на высоте современной науки и вызвавший лестные отзывы в заграничной научной критике).

Далее общество собрало громадный этнографический материал и издало до сих пор 15 тт. «Етнографичного Збірника» (главные работники — В. Гнатюк, И. Роздольский, И. Колеса [32]), 7 тт. «Матеріалов для етнології України», частью археологического, частью описательно-этнографич[еского] содержания, под ред[акцией] Ф. Вовка, и замечательный труд В. Шухевича «Гуцульщина» (в 4 тт.).

Немало сделано и для истории украинской литературы. Еще до своей реорганизации общество издало труды проф. Ем. Огоновского, занявшего после Я. Головацкого кафедру украинского языка и литературы в львовском университете, а именно его комментированное издание «Слова о Полку Игореве» и его обширную «Исторію (южно) русской литературы», содержащую в 24 тт. богатый и тщательно собранный материал для биографий и характеристик всех сколько-нибудь выдающихся писателей и ученых южно-русских за XIX в.

После своей реорганизации общество приступило к печатанию систематического издания собранных И. Франко «Памятников древней украинской письменности»; напечатанные до сих пор 3 тома содержат в себе старо- и ново-заветные апокрифы, собранные преимущественно из галицко- и угорусских рукописей, с библиографическими указаниями и вводными статьями.

Кроме того, издан длинный ряд работ по истории старой и новой ю[жнорусской] литературы, по сравнительному изучению легенд и по изучению польско-украинских литературных взаимодействий (важна особенно работа проф. Ал. Колессы

«Мицкевич и Шевченко»). Особыми книгами издало общество детальную биографию Т. Шевченка, написанную А.Я. Конисским (2 т.), и начало полного собрания фольклорных работ М. Драгоманова (2 т.).

Немало сделано и для изучения ю[жнорусского] языка. Еще в 1880 г. изданы обществом ценные «Studien auf dem Gebiete der ruthenischen Sprache» Огоновского; после реорганизации общества опубликованы труды лучшего знатока украинской диалектологии Ив. Верхратского (об угрорусских говорах, о диалекте галицких Лемков, Замишанцев, о низинном диалекте), интересная работа В. Охримовича о ю[жнорусском] ударении и ряд работ В. Гнатюка об угрорусских говорах. Лексикологическая работа идет медленно: еще в 70-ые г. во Львове вышел словарь Ом. Партыцкого (немецко-русский), в 1886–88 гг. Евг. Желеховского (укр[аинско]-немецкий, 2 т.); общество имени Шевченка издало укр[аинско]-русский словарь Уманца и Спилки (3 т.).

Занятое учеными работами, общество имени Шевченка не упускало из виду и изящной письменности. До 1897 г. оно издавало иллюстрированный двухнедельник «Зоря», служивший единственным периодическим литературным органом для всей Украины. Одно время «Зоря» была допускаема цензурой в Россию и имела здесь некоторый успех (более 400 подписчиков); но когда ввоз ее в Россию был запрещен, издание должно было бороться с значительным дефицитом и по инициативе проф. М. Грушевского и при его сотрудничестве было с 1898 г. заменено ежемесячным журналом «Літературно-науковий Вісник», который издается и до сих пор (ежегодно 4 т.). Этот журнал сначала допускался в Россию; после двух лет его постигла участь «Зори», но он успел обеспечить себе в Галиции широкий круг читателей, и поэтому запрещение ввоза в Россию не поколебало его существования. Можно сказать, что Лит[ературно]-Наук[овий] Віст[ник], особенно в новые годы его издания, был самым полным выражением ук-

раинской литературы; здесь работали писатели старых и молодых поколений, украинцы и галичане.

Только в последние годы, когда цензурные условия в России сделались несколько благоприятнее для украинской беллетристики, многие украинские писатели предпочитают печатать свои сочинения у себя дома, особенно в издаваемых ежегодно альманахах, служащих суррогатом правильных периодических изданий.

Из австро-русских писателей, выступивших в последнее десятилетие, самый талантливый и оригинальный — Василь Стефаник, издавший до сих пор три сборника небольших новелл и этюдов: «Синя книжочка», «Каменный хрест», «Дорога». С большим мастерством он вникает в душу галицкорусского крестьянина и умеет рисовать тяжелые психические драмы там, где другие видят только обыденный факт экономической или социальной жизни.

Другой новеллист, Л. Мартович, отличается иронией и едким юмором и рисует преимущественно положение крестьянина среди чуждых и непонятных ему бюрократических галицко-польских порядков (сборники «Не-читальник» и «Війт Панько»).

Легким и безобидным юмором отличается Иосиф Маковей, написавший, кроме ряда новелл (лучшая — «Оферма», из рекрутской жизни) и очерков, роман «Залисье» и значительное количество стихотворений (поэмы «Новик» и «Подорож на Украйну»), а также монографии о Кулише, о Гундуличевом «Османе», о первых галицких грамматиках. Мягкостью колорита и нежностью чувства блещут новеллы и стихотворения Богдана Лепкого. Денис Лукьянович дал в своем романе «За Кадыльну» интересный образ бесплодной борьбы крестьянина за общинную землю, отнятую у общины паном.

Сильные, но иногда утрированные картины казармы и военного госпиталя нарисовал М. Яцкив, неудачно пытавшийся дать большой рассказ из жизни русинской интеллигентной

молодежи в своем «Огни горять». Рассказы Тимофея Бордуляка из жизни деревенского люда (крестьян, евреев) под загл[авием] «Бльжні» несколько примитивны по исполнению, но внушены верным наблюдением жизни и искренней любовью к рабочему люду. Андрей Чайковский, кроме интересных воспоминаний из похода австрийцев в Боснию и вообще из своей военной жизни, дал ряд романов из жизни мелкой шляхты («Олюнька», «В чужім гнізді»); Василь Загаевич — несколько удачных рассказов из жизни крестьян. Более разнообразны очерки М. Дерлици (сельские ребята, сельская школа, городской пролетариат, сельское духовенство).

Из галицко-русских прозаиков назовем еще Ярослава Окуневского, автора интересных очерков из кругосветного путешествия в качестве военного врача на австрийском флоте. Из галицко-русских поэтов молодого поколения, кроме упомянутых уже Маковея и Лепкого, следует назвать В. Щурата, давшего, кроме ряда собственных стихотворений, много хороших переводов («Песнь о Роланде», из старофранцузского, кое-что из Гейне и многих современных немецких, французских, польских и русских поэтов) и В. Пачовского, который, кроме сборника очень музыкальных стихов эротического содержания («Розсыпани перлы»), написал большую драму рифмованными стихами «Сон української ночі», в которой довел почти до абсурда символизм модного польского поэта Выспанского.

Значительную роль в развитии галицко-русской литературы последних десятилетий играют женщины. Честь инициативы принадлежит Наталье Кобрынской, представившей в своих новеллах жизнь крестьянки и женщины из «средней полосы» интеллигенции: учительницы, дочери и жены сельского священника («За для кусныка хлиба», «Ядзя и Катруся», «Пани Шуминска»), Кобрынская намеревалась организовать эмансипационное движение среди галицко-русских женщин, издала ряд альманахов, составленных из произведений жен-

щин («Першій вінок» в 1888 г. [33], «Наша доля»), созывала собрания женщин, подавала в парламент петиции, требующие для женщин среднего и высшего образования (в Австрии до сих пор нет правительственных женских гимназий), но безуспешно.

Самый сильный и оригинальный женский талант в австрийской Руси — Ольга Кобылянская, уроженка Буковины. Воспитанная в традициях немецкой литературы, она начала писать по-немецки во вкусе слащавой Марлитт, но вскоре, под влиянием Ницше и датчанина Якобсена, нашла другой тон и другие идеи и выступила проповедницей индивидуализма и свободной жизни. Она начала выводить в своих рассказах («Царівна», «Русалка», «Valse mélancolique») женские типы, стоящие выше своей среды и прокладывающие себе дорогу вне проторенной колеи. В своих мелких эскизах она пробовала подражать манере современных французских символистов и декадентов, рисовать туманные сцены и ни с чем. живым не связанные фигуры. Вскоре ее талант вступил на более верный путь, и она дала ряд прелестных картин из буковинской природы и жизни тамошнего народа («Битва», «Некультурна», «За готар»), а также большой роман из крестьянской жизни «Земля», исполненный глубокой поэзии и рисующий потрясающую драму братоубийства из-за обладания землей.

Противоположные воззрения проводит в стихотворной форме Ульяна Кравченко, которая также зовет галицко-русскую женщину «на новый шлях», побуждает ее учиться и работать, но с тем, чтобы она успешнее могла служить своему народу.

В заключение скажем несколько слов о самом молодом отпрыске Южной Руси — о ее американских колониях. Галицкие и венгерские русины имеют в Америке три значительные группы колоний, содержащие в общей сумме; около полумиллиона жителей: в Соединенных Штатах, Канаде и Бразилии. Самые старые колонии — в Соединенных Штатах, где многие русины успели обеспечить себе, безбедное суще-

ствование, создать несколько десятков церквей и школ, завести типографию, книжную торговлю и органы печати. Первым пионером русинской печати был первый русинский (униатский) священник в Америке, Волянский, издававший там еще в 80-х годах газетку «Америка». Теперь свящ[енник] С. Макар издает там большую газету «Свобода» и кроме того, неперiodически ряд брошюр и летучих листков просветительного и беллетристического содержания. Своего вклада в ю[жнорусскую] литературу Америка еще не дала; ни стихотворения Гр. Грушки, ни рассказы Дмитрова, не смотря на интересное в культурном отношении содержание (жизнь русинских колонистов в Америке), не удовлетворяют требованиям художественности. В Канаде и Бразилии русинская пресса пока только в зачаточном состоянии.

Литература.

О древнем периоде ю[жнорусской] литературы, кроме общеизвестных русских учебников Галахова и Порфирьева, см. «Ист[орию] русской лит[ературы]» Пыпина, работы проф[ессора] Владимирова и особенно сжатый очерк в третьем томе «Исторіи України-Руси» М. Грушевского. О среднем периоде, кроме устарелого первого тома «Исторіи руської литературы» Ом. Огоновского, нет полного компендиума, а многочисленные монографии не дают полной картины; из работ, обнимающих более широкие темы, выдаются работы П. Житецкого («Энеида» Котляревского) и Петрова («Очерк истории южнорусской литературы XVIII столетия»), дающий, однако, менее чем обещает заглавие. Много работ и материалов печаталось в «Киевской старине», «Трудах Киевской Духовной Академии» и «Чтениях в Обществе Нестора летописца», кое-что в «Записках наук[ового] тов[ариства] ім. Шевченка» во Львове, в «Библиографических пособиях» Каратаева. См. еще библиографию Ундольского с дополнением к ней Головацкого, доведенную до XIX стол[етия]; преосв. Филарета (Гумилевского) «Обзор русской духовной литературы»; Пекарского «Наука и литература при Петре

Великом» и т. п. Для изучения новой ю[жнорусской] литературы самым богатым пособием служит «Исторія рускої литературы» Ом. Огоновского, не смотря на устарелый метод и неуклюжесть изложения; не потерял своей ценности «Очерк истории украинской литературы» Петрова и прекрасный разбор этой книги, сделанный Н. Далкевичем в отчете о присуждении наград гр. Уварова. Много очерков и критических статей об отдельных писателях и целых периодах печаталось в галицких изданиях «Правда», «Зоря», «Жите і слово», «Народ», «Літературно-науковий Вісник», в женеvской «Громаде» и в «Киевской Старине». Скудные данные о развитии угро-русской письменности дал Е. Сабов в своей «Хрестоматии» (Унгвар, 1893); о литературной жизни Буковинской Руси есть кое-что в книжке профессора Смаль-Стоцкого «Буковинська Русь». Важным пособием для изучения новой ю[жнорусской] письменности служит опыт библиографии этой письменности М. Комарова (Рада, 1883), составленная им же библиография Т. Шевченка (1903); для галицко-русской письменности имеется образцово составленная библиография за 1801–1889 гг. Ив. Левицкого и его же библиография за 1772–1800 гг. («Записки наук[ового] тов[ариства] им. Шевченка», 1903). Ряд характеристик современных ю[жнорусских] беллетристов дала в последних годах «Киевская Старина», в которой особенно интересны критические статьи С. Ефремова.

Иван Франко

Примечания

1. Ссылка на т. 28 «Энциклопедического словаря Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона (Далее — ЭС), напечатанного в 1899 г., где в огромной статье «Россия» был помещен очерк А.Н. Пыпина «История русской литературы» (С.581–634). Ссылка эта, как и многие другие, скорее всего принадлежит редактору литературоведческого отдела ЭС С.А. Венгерову.
2. Правильно, не «Ярослава», а Владимира Мономаха.
3. Правильнее, не «Цамвлак», а Цамблак.
4. Правильнее, не в «1440», а в 1364 г.
5. Правильно, не «1527», а около 1522 г.
6. Правильно, не «Юрия», а Петра Мстиславца.
7. Ссылка на т. 34 ЭС (СПб, 1902), где помещена статья С. Т. «Уния» (С.818–833).
8. Правильно, не «1596», а 1591 г.
9. Ссылка на т. 19 ЭС (СПб, 1896), где помещена статья А. Кирпичникова «Мелетий Смотрицкий» (С.23–25).
10. Ссылка на т. 23 ЭС (СПб., 1898), где помещена статья И. Житецкого «Петр Могила» (С. 484–485).
11. Правильно, не «1642», а 1644.
12. Правильно, не «1622», а 1636 г.
13. Правильно, не «1585», а 1584 г.
14. Далее в тексте непоследовательно употребляются два именования: «Украйна» и «Украина». В нашей публикации мы везде используем название «Украина».
15. Правильно, не «Маркевич», а Маркович.
16. Ссылка на т. 30 ЭС (СПб., 1900), где помещена статья «Сковорода» (С.217–219).

17. Ссылка на т. 16 ЭС (СПб., 1895), где помещена статья Н. С-ва [Н. Сумцова] «Котляревский» (С. 442).
18. Ссылка на т. 14 ЭС (СПб., 1895), где помещена статья Н. Сумцова «Квитка» (С.880–881).
19. Ссылка на т. 39 ЭС (СПб., 1903), где помещена статья Н. Сумцова «Шевченко» (С. 355–357).
20. Ссылка на т. 16 ЭС (СПб., 1895), где помещена статья Н. С-ва [Н. Сумцова] «Кулиш» (С. 959).
21. Ссылка на т. 16 ЭС (СПб., 1895), где помещена статья В. М-на «Костомаров» (С.401–404).
22. Ссылка на т. 34 ЭС (СПб., 1902), где помещена статья Ф. «Угорская Русь» (С.557–562).
23. Правильно, не «1777–78», а 1793–97.
24. Правильно, не «1835», а 1834.
25. Правильно, не «1859», а 1860.
26. Правильно, не «1868», а 1867.
27. Правильно, не «1873», а 1875.
28. Правильно, не «1879», а 1880.
29. Правильно, не «1881», а 1882.
30. В данном случае после слов «братьев Тобиловичей» нам пришлось поставить тире, дабы не искажался смысл фрагмента фразы, повествующего о трех братьях Тобиловичах, известных под псевдонимами Иван Карпенко-Карый, Николай Садовский и Афанасий Саксаганский. В тексте 1904 г. вместо тире употреблена запятая, что ведет к неадекватному пониманию написанного.
31. Правильно, не «Маркевич», а Маркович.
32. Скорее, не «И», а А. Колесса.
33. Правильно, не «1888», а 1887.

Список иллюстраций

Портрет Ивана Яковлевича Франко	3
Автограф плана «Історії української літератури» Ивана Франко	7
Автограф незаконченной «Історії української літератури» Ивана Франко	9
Предисловие Ивана Франко к незаконченной «Історії української літератури», напечатанное в виде отдельной статьи в 1909 г.	11
Лист рукописного сборника XVII в. из собрания Ивана Франко	14
Титульный лист «Лексикона» Памвы Берынды (Киев, 1627)	17
Страница книги Иоаникия Галятовского «Наука... зложения казання» (Киев, 1659)	22
Лист «Синописса» (Киев, 1674)	29
Титульный лист панегирика Стефана Яворского «Arctos caeli rossiaci» (Киев, 1690)	35
Титульный лист книги «Зерцало от Писания Божественного» (Чернигов, 1705)	41
Автограф письма Григория Сковороды 1790 г.	43
Автограф поэмы Ивана Котляревского «Энеида»	49
Титульный лист первого издания книги «Кобзарь» Тараса Шевченко	51
Титульный лист книги Тараса Шевченко «Гамалія» (СПб, 1844)	56
Автограф поэмы Тараса Шевченко «Чернець»	61
Автограф стихотворения Маркиана Шашкевича «Безрідний»	67
Титульный лист «Книжицы читальной» Александра Духновича» (Будапешт, 1852)	75
Автограф новеллы Михаила Коцюбинского «Intermezzo»	83
Автограф драмы Леси Украинки «Кассандра»	90

Содержание

Иван Франко — ученый-славист	5
<i>И. Франко. Южнорусская литература</i>	15
Примечания	107
Список иллюстраций	109

Научно-информационное издание

**ИВАН ФРАНКО
ОБ УКРАИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**

Подготовка текста, вступительная статья и примечания

Ю.А. Лабынцева и Л.Л. Щавинской

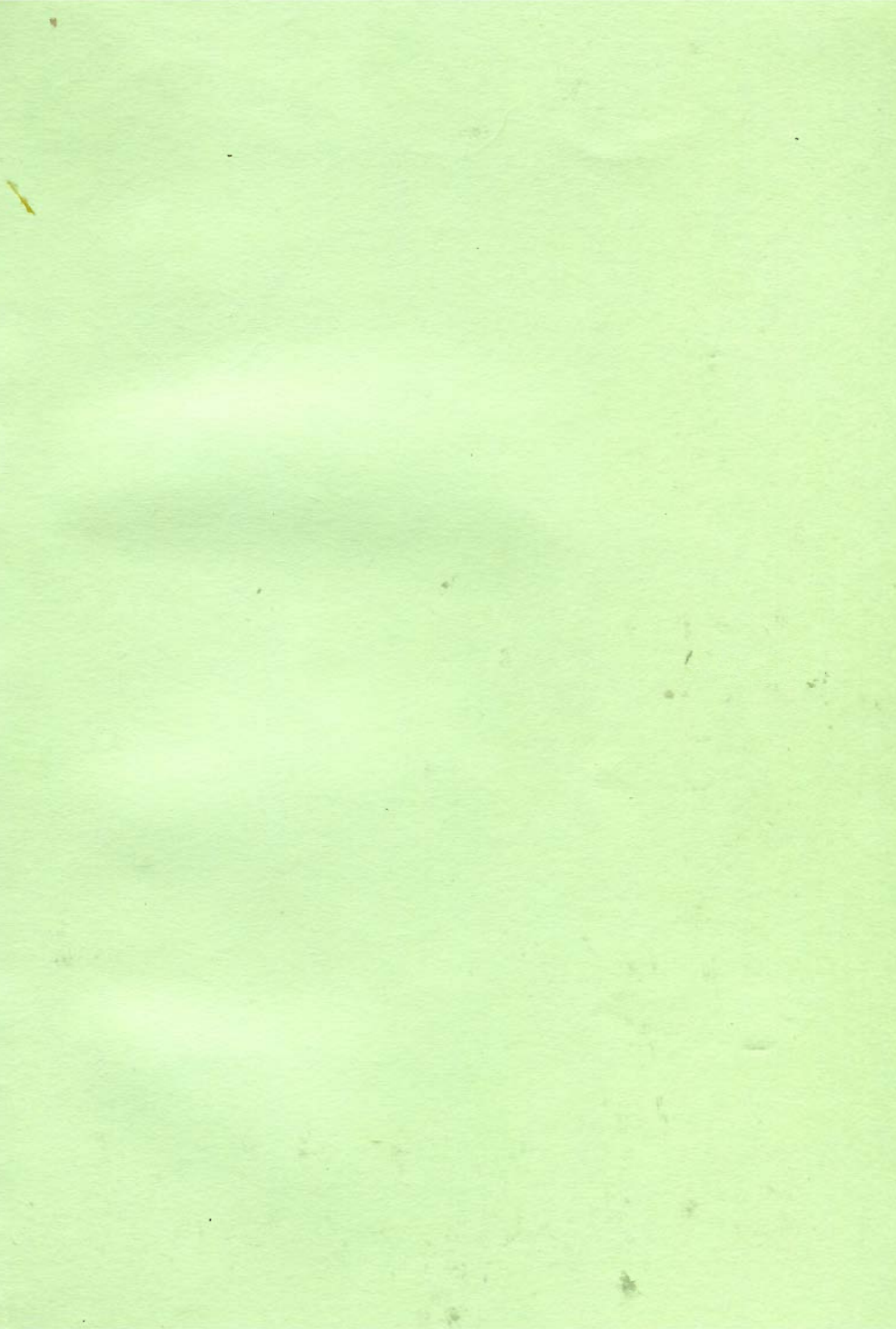
Подписано в печать 17.11.2006

Формат 60×84/16 Печ. л. 7,0

Тираж 300 экз. Цена договорная

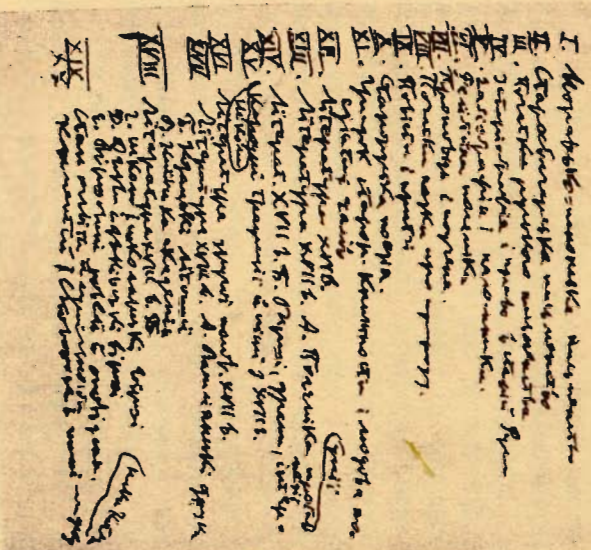
Типография ГПИБ

Москва, Старосадский пер., д. 9

Лист рукописного збірника ХVІІ в.
із зібрання Івана Франка

Автограф плану «Історії української літератури»
Івана Франка

Комитет по культуре города Москвы
Управление культуры Центрального
административного округа города Москвы
Государственное учреждение культуры города Москвы
«Библиотека украинской литературы»

Юрий Лабынцев
Лариса Цавинская

Научное наследие
Івана Франка

К 150-летию со дня рождения

(27 августа 1856 г., с. Нагуевичи, ныне Дрогобычский
район Львовской области – 28 мая 1916 г., г. Львов)

Москва – 2006

В славянском мире трудно найти фигуру столь многогранную и значительную как Иван Яковлевич Франко. Выходец из крестьянской семьи, сын деревенского кузнеца, он, преодолевая многочисленные тяготы, выпавшие на его долю, становится одним из признанных европейских гениев.

За недолгую и многогранную жизнь Ивану Франко удается написать необычайно большое число художественных произведений, различных научных и публицистических работ, проявить себя в качестве идеолога и социального лидера. Ныне о нем гораздо чаще говорят как о поэте и писателе и менее всего как об ученом.

На самом деле научное наследие Ивана Франко количественно не менее значительно нежели художественное, но, в отличие от последнего, все еще не столь известно, а во многом и совершенно не открыто. До сих пор не существует даже сколь-либо полной библиографии его произведений, огромное их число рассеяно в самых разных периодических изданиях, выходящих в нескольких странах на ряде европейских языков.

Много тайн хранит весьма объемный личный архив Ивана Яковлевича, собирающийся в составе рукописных фондов Института литературы им. Т.Г. Шевченко Национальной академии наук Украины.

Наряду с архивом Франко, насчитывающем более пяти тысяч единиц хранения, в Институте литературы находится и огромная, более чем в двенадцать тысяч томов, его библиотека, каталог которой сейчас готовится к печати.

Ивана Франко по праву считают одним из крупнейших исследователей древнеукраинской литературы, причем наибольший вклад внесен им в изучение ее произведений XVI-XVIII вв., «особенно с середины XVI в.», как писал он сам в автобиографии. Вместе с тем, ему принадлежит большое число работ и об украинских писателях XIX столетия, многих из которых он лично хорошо знал. По сравнению с другими частями научного наследия Ивана Франко, эта, украиноведческая, сравнительно неплотно изучена, хотя все еще нет обобщающего труда о нем как о литературоведе-украинисте. Во многом такое положение объясняется необычайной широтой его исследований, а потому чрезмерной сложностью или даже невозможностью одновременно дать оценку не только всем его трудам по истории украинской литературы, но даже и отдельным из них.

Еще более трудоемкая задача детально определить вклад Ивана Франко в мировую славистику, ибо колоссальный масштаб его исследований в данной сфере не только сравним, но даже превосходит наработки многих патриархов славноведения.

Он был полонистом, ботемистом, русистом, болгаристом, сербистом... Традиционно более всего об Иване Франко по-прежнему пишут польские ученые, которым дается к самым трудным вопросам привлекать даже молодых зарубежных исследователей, в том числе защищающих диссертационные работы.

Иван Франко очень конкретно и аргументировано определял свое место ученого-слависта в нарождающейся тогда новой украинской гуманитарной науке.

Очень интересна его самооценка, сделанная в автобиографии 1893 г., составленной им в преддверии защиты докторской диссертации в Венском университете. Иван Франко подробно пишет о своих научных работах и лишь в самом конце обширной автобиографической записки кратко, в одном предложении, упоминает о своем художественном творчестве. Читая это документ, едва ли можно усомниться в том, что перед нами исследователь, «давней заветной мечтой» которого, как писал сам Иван Яковлевич, «была славистика». Тут же он сообщает важнейшие подробности своей научной деятельности, дает анализ всего комплекса своих славистических исследований, преимущественно в области литературоведения, этнографии и фольклористики.

Очень много места уделяет своим украиноведческим трудам, особо выделяя деятельность по разысканию и собиранию памятников украинской письменности, начиная с древнейших; исследованию творчества отдельных украинских писателей разных времен, а также апокрифов и народных песен, в том числе и знаменитого сборника «Боготласник».

Эта особая любовь к народной книжности и литературе у Ивана Франко не угасала всю его жизнь.